

Борис КОЛЕСОВ

НЕЖДАНКА И КОРАБЛЬ

Сказ о небесном огне

Глава 1. СБОЧЬ МУРОМСКОГО ЛЕСА

Во Владимирской Мещере, у Муромского леса, у деревни в ряду прочих неприметной, поодаль за срубленными в лапу амбарами, протекала речка-невеличка. За ней виднелся луг, несравненно способный для коровьего пропитанья. А за ним, пожалуйста кому надо, — безымянный овраг. И темный, и сырой, и неудобный, однако мохноногой таволге безо всякого спора симпатичный.

Вымахала она чуть не в рост человека. Много там толпилось вязолистных дудочек. Именно что видимо-невидимо. С малахитовыми пузыристо манящими купами, с изобильем высоких белых зонтиков, что цвели и благоухали разливанно цветочным океан-морем.

По дну сырого и темного вместилища струился неспешный ручеек. Набрал он сил в сумрачном затишке, не сказать, чтоб сверх всего потребного. Журчання извилистого этого водопропуска посередь илстых бережков ничуть не услышишь, хоть нагибайся низко и прислоняйся лицом к холодной воде.

Чего у него в достатке наблюдалось, так это беспримерного постоянства.

Сколько помнили себя здешние старики — один тут хозяйничал: два года назад и пятьдесят тако же. За долгие свои лета пропилил он в мягком податливом склоне лишь копотливую щель.

На вершине горушки углубление обнаруживалось еще нешироким и по мере мелким: какая слабосильная курочка перепрыгнет при желании.

Зато в самом низу, где значился выход на духмяный луг, раздавался овражек в плечах куда как заметно. По январским сугробным денькам здесь обычно катались ребятишки на санках с быстрыми полозьями.

Весной, когда обозначался теплейший апрель, заливала талая вода все напрочь углубления. Она утишиться не пыталась — неслась со всей возможной скоростью умывать мелкие осинки. Навалившись посильней, выворачивала из песков и мягких глинистых пород молодые сосенки. Спорый поток нес оглашенно хоть тонкий хворост, хоть что из толстых сушняков.

Знамо, случались пенные заторы. Как раз на исходе лощины, когда русло изгибалось дугой и обходило стороной молочную ферму.

До поры до времени мало обращали внимания на ручей в лесисто овражных логах. Ему только того и надобно: свободно, в звонкой привольности катит себе по закраине Муромской чащоры. Выбирается в чисто поле с березовыми колками. И гуляет по всему ополью, весело пошумливая, весеннюю черемуховую дебрь поднимая — с неискоренимо ежегодным удовольствием — ото сна зимнего.

Куда как много у него незагороженного раздолья, чтоб изливаться неуспокойно средь просторной равнины. Нет препонов взволнованной его речистости до самой до речки Пекши. Которая, никакой всем не секрет, служит завсегдашним светлоструйным подарочком для более широкой Клязьмы.

Слыхали об Успенском соборе, что с многовековой красовитой неколебимостью стоит по-над добротворной Клязьмой со дней Владимиро-Суздальского княжества? Не думайте до упора, не сомневайтесь до помрачения разума, а только верьте невозбранно: древнее ополье на диво размашисто простерлось среди медоносной гречихи и волнистой ржи.

Глазом не окинешь его ликующих под солнцем полевых верст, этих истинно животворных привольий. Касательно ручья в черемуховых дебрях, не миновать ему стало что? Как раз подмывать берег излучины, где позволено было приподняться

стенам новенькой молочной фермы. Он и старался — рыл землю изо всех своих упористых водоносных сил.

Тогда ему здраво сказали: хватит здесь творить потешно веселые шутки! Однажды по утренней росе пришли два трактора с ножами-отвалами, остро железными и крепкими.

Слой за слоем срезали они края глубокого по-обычности оврага. Пришлые машины тужились моторами, гремели, дымили сизыми выхлопами. Великанские ножи, до блеска отполированные землей, входили в глину безостановочно. Раз и за другим разом. Невероятно легко, даже играючи, словно — в домашнее масло.

Умягчившись, рыхлая почва сползала, укладывалась в провал. Нараскивала плотину беспеременно, всё выше и выше. К вечерней росе, выпавшей вместе с туманом на луговые зелены, за фермой встала запруда, накрепко соединив края лога. Была из себя аккуратная да ладная, и со всей деревни сбежалась ребятня, чтоб полюбоваться тракторной поделкой.

Все на глинисто свежем гребне уселись. Гадя, ровно стая пичуг, стали поджидать, когда наполнится пруд, глянцевиго сверкающий, плещущий шаловливыми проказницами-волнами. Покамест нет особо гулких валов, нет озорной пены? Ан и ладно! Подождем, сейчас возьмет, усилится водной рябью, объявится ободрительно шумное озеро.

Ручеек не вот вам торопился радовать зрителей, пусть все они здесь числились в поклонниках рыбалки по омуткам. И — развеселого купания хоть по июню, хоть по июлю.

У струи овражной не было приметно большой стремительности, однако имелось у нее, беспечно журчавшей, времени в достатке.

Не уходило еще лето — в ретивости горячее — на отдых.

В преддверии осенних дождей оно безоблачно, безветренно стояло себе и стояло. Нисколько не отказывалось от дружбы с лучисто ярым солнцепеком — находилось как раз в середке августовского пребывания на земле ополья владимирского, урожайно гречишного, ржаного да пшеничного.

По таковской поре как не шибко резвому водопропуску ложбинному не разомлеть, не облениться?

За весь день у него хватило способности образовать всего лишь лужу, много шире прежних заливчиков — в незавидности и отрешенно тихих и очень мелких. Побродили по озерцу ребята, закатав штаны выше колен, побрызгались не прогревшейся пока что влагой прудовой. Затем что же? Отправились по домам, как говорится, несолоно хлебавши.

Дела-то у них были, не сбеги куда подалее, не приключилось с ними какого неожиданного укорота. Кому-то полагалось брать в сараюшке тяпку, по всему порядку рылхить грядки наливающих огурцов. Кому-то еще с утра повелели держать в уме надобу ходить с ведром на колодец, наполнять доверху бадю, чтоб всенепременно теплым стал вечерний полив огорода. Польза станет не иначе та, что получит одновременно и капуста свою норму перед заходом солнца. Как есть примется увеличивать рост к небу поближе, также — творительный объем кочана для засолки.

Сумрак обнимет хоть огурцы, хоть помидоры с тыквами, а все грядки почнут отходить ко сну довольными, и в домах не случится каких обсудительно лишних разговоров.

Когда в деревне ребят хватает, чтоб не враз припомнить всех, то и забот у них в обиходе нисколько не чуть чуточка — истинно, что воз необъятно солидный. Одному, глядишь, поручили наколоть дров на растопку присадистой русской печи. Для того порядку, когда примется мать семейства печь ватрушки с творогом да на отличку иные пироги.

Опять же она замыслит сладкой репы напарить и щей наваристых сготовить, тогда без пламенеющего, сноровисто печного жара ей не обойтись. Ухват в холодном дому станет не ухватом, чугунок будут не чугунками, а про железный противень, где пристало румяниться пышным булкам, и говорить нечего — только печалиться тебе, хозяйшка.

И вот уже один паренек березовые полешки ловко половинит, другому готовы свои неотступные занятия. А третьему — не умолчать о бойком! — невтерпеж сбежать на конюшню, посмотреть на жеребенка, что у жующей матки по-тихому кормится и прядает ушами, завидев нечаянных шустряков.

Им всем, с первого до последнего, надобно многое успеть: также и книжку почитать, и на велосипеде покататься, и поиграть в быстрые, как вихрь, прятки возле сараев.

Тем временем жаркие летние деньки миновали, справное солнышко наладилось клониться к уходу в молоко утренних туманов. Неделя идет за неделей, пруд стоит сам по себе, и ребята — в незыблемой отделности, тоже сами по себе.

По явившемуся началу месяца заглянули они в овраг.

Отдав честь громкозвучному галдежу и веселым прыжкам, подивились: пруд-то завидно полнехонек! По широкой поверхности его знай гуляют волны поворотливые. Пусть не очень высокие, и не сказать, чтоб донельзя бедовые, но всё ж таки поубедительней тех, которые ходят по узкой речке — той, что поодаль в лесу плещет рыбками, щебечет неумолчными птицами в притопленных ракитниках.

На мелководье новом сидят зеленые лягушки, и такие они усидчиво непокорные: квакают и квакают, ни с кем не желая делить обихоженную территорию. Из густой ряски, из тинистой взвеси, выставили свои глаза-лупы.

В охотку им громко сообщать гостям: «Наш отныне пруд! На веки вечные обязательно! Мы тут из наиглавнейших главные!»

Против квакушек ребята ничего крикливо бездоказательного не имели. Пусть благоденствуют новоявленные вселенцы мелкие. Они существа не из самых красивых, зато для близких огородов полезные. Доскональное у них занятие наблюдается, чтоб за милу душу расправляться хотя бы и с жирными слизнями, которым огуречные грядки — всегда неизбывное пиршество.

Всё именно так, никаких причин для спора, но стоит ли отдавать в распоряжение лягушек весь пруд? Нет уж, не им одним обживать уголья, завлекательно обширные, до невозможности приятственные!

Раздобыла ребятня бредень и — с ним поскорей на черемуховую речку в заовражном лесу. Наловили в тамошних омутках юрких плотвичек и серебристых подлещиков.

Нет улову места в печи, в чугушке по соседству с морковными кружочками, луком, резаной картошкой. Тоже не пребывать ему — и на горячей масляной сковородке. Однако его приветно встретит ведро с водой.

Так оно и приключилось: нашлась у паренька Игната старая оцинкованная посуда подале от дома, в огородном сараюшке. Вот уже добыча хвостами вилает, тычется носами в стенки железистого вместилища.

Успешны рыбаки в повторном побеге на речку, вскоре добавочные окуньки оказываются в приветном ведре. Сколь долго им там пребывать? В точности, что не шибко великую половинку дня.

На то время стремится в топотном шуме вся ватага прочь. Совсе не куда-нибудь в просторные версты ополя. Продолжается неотложная дорога вплоть до стен молочной фермы, на задворки хозяйства — к распадку овражному, к устойчиво поднявшейся плотине.

Вот вам, непременно обитатели пруда, другие подселенцы! И будьте спокойны: в запальчивости новые жильцы вас не обидят. Из месяца в месяц, весь год напролет, все будут и скромные, и смиренные. Они — хоть носы у них завсегда холодные — не лают и не кусаются. Одним словом, народ самый что ни есть покладистый.

Всё-таки поначалу взволновались лупоглазые попрыгушки, потому как зачем тут соседи, пусть даже неразговорчиво постоянные? С какой стати плотве, многочисленной чересчур, в новоявленном водоеме шевелить жабрами? Плавниками размахивать беспошлинно?

Загадели все разом, кинулись поскорей с бережка да в самую что ни есть глубину темную. Собрались в затишке омутовой, начали держать совет: объявить новичкам свое неудовлетворение или с подселенцами смириться.

Вряд ли кому доложат нырять отчаянные, как судили и рядили у себя в потаенно прудовой глубине. Но какие здесь сомнения? Согласный уговор случился. Он принят был, никогда потом не отменялся.

Да, всем понятно, что яма богата мраком, там в обязательности ни зги не видно. Кваканья не слышать, слушай осеннюю воду хоть до холодного посинения. Ан до каждого на плотине вскорости дошло: когда омутовые разговоры подошли к единогласному концу, то вывод у спорщиков обозначился, не иначе, до предела умный. Раз теперешние рыбки безотказно смиренные, тогда и мы, первые прискакавшие на озеро, тоже станем покладистыми. Не хотим прослыть злыми лиходеями.

Лягушки решили уладить дело миром. Хорошо, что нет нужды воевать. Лучше всем тут жить в спокойствии, а главными на пруду... что ж, пускай будут ребята, коль хорошие у них приключились догадки. Насчет оцинкованного ведра в огородном сараюшке. И — побега в заовражный лес на ракитовый плес. И — вселения подлещиков, плотвичек, окуньков хоть в озерные мелкие закраины, хоть в срединные глубины.

Не раз после того дня Игнат навещал мощно широкую плотину. Где ходи на плоту сюда и туда, к случаю даже под каким парусом.

Однажды увидел возле травянистого бережка крякву с немалым выводком. Дикая утка вела родственную цепочку уверенно, без суеты. За мамашей знай поторапливались шарики, дружные пуховички, которым отставать не дозволялось — исправно крякался

им громкий наказ.

Тут бери и думай, что лягушки вместе с рыбками привечают нынче подряд всех гостей. А когда сообразишь макарон таким, то настанет черед в неотступности погадать: сплоченная семейка забьется в прибрежную траву? Уплывет в дальние верховья прочно водного вместилища?

Пусть бы в какие стороны полетели объявившиеся мысли, а всё ж таки... не собирались прятаться утки, большие и малые. То вправо, то влево по ряби волн скользят, в клювиках починают безглагольно толочь сочную рыску.

Глава 2. СРЕДИ БЕЛЫХ СНЕГОВ

Поглядел Игнат на безмятежную мамашу, на вольно плавающих пуховичков и понял: они же все непуганые! Не обижают их на пруду, в том и есть тайна странного поведения легкокрылого племени. Рядом с хорошими людьми хорошо живется и диким уткам, и рыбьей молодежи. Также и квакушкам, забравшимся в новые уголья без спроса — из одной только любви к теплой тине.

Вот он утнездился на куртинно травном бережку. В задумчивости посиживает себе и посиживает, а тучкам небесным не может, чтоб не уплыть за вечереющий оком. Незаметно сгустился лиловатый сумрак, затем кроны сосен вроде бы где нахватили фиолетовой краски.

Вскорости звездам ночным куда как вольготно стало светить. Птицы, что прежде распевали в чащоре, заохотились умолкнуть, зато дал себя знать филин, по-гулкому ухающий возле черемухи на крутояре далекой лесной реки.

Луна засеребрилась, пора уж отправляться парнишке домой. Что его здесь держит?

О том нет досужей думки, и если что хочется ему, то глядеть неотрывно вверх: «Звезды небесные доверяют нам свои тайны. Уж что есть — шепчут и шепчут людям не переставая. Одна из них, гляжу, очень крупная. Мерцает потихоньку. Наверное, желательна ей кое-что поведать. Тому, кто смотрит неотрывно. Я готов здесь постараться, однако поди разбери смысл».

Возмечтал Игнат добраться до заоблачных тайн, да надобно шагать прочь.

Сказал сам себе:

— Будет еще время. С тамошним шепотом разберусь.

Ушел домой, и заторопились утекать дни так, чтоб в незамедлительности один за другим. В конце ноября вдруг ударили морозы, из печей деревенских поднялись толстые столбы дымов, прохваченных сажистой чернью.

Игнат катался на лыжах за околицей, где у холма понизу накопилось пухлых сугробов по мере весьма солидной. Он о своей судьбе не загадывал: зашибись, а сполни! Вот только часто лыжник останавливался и задумчиво смотрел на строй рубленных недавно в лапу, коренастых селянских изб. Там снегу всё прибавлялось и прибавлялось — расщедрилось белесое небо, где звезды вроде куда-то пропали напрочь. И приходило парнишке соображение: никуда не пропали они! случится верный час, когда мы свидимся!

Через неделю деревня лежала среди глубоких снегов. Глядеть на нее было приятно, тепло делалось на душе.

Ранее Игнат жил в далеком уральском городке. Однажды отец прочитал в газете, что горожан приглашают поселиться в новых домах — на Владимирщине. От малахитовых, приметно пообнищавших, рудных гор подале.

Коль в Центральной России нужда обозначилась в тех же — на все руки — селянских механизаторах... родители, не откладывая покладистую доверительность, пустились в размышления. Чем плохо иметь усадебно приличный огород, а также собственную корову? Знай не ленись, в урочное времечко позаботься о сене на своем дворе — будешь завсегда с молоком, а также с творогом и сметаной. Не помехой тебе станет даже снежная зима, когда объявятся метели и домашней животине будет никакой не след гулять по белым полям.

Обзавестись медоносной пасекой тоже неплохо. От приставучей хвори хлопотливые пчелки постараются избавить, что для парнишки, часто болеющего простудой, окажется донельзя полезным. Парное молоко да маленьких летунов цветочный сладкий сбор — известно, в народе за лекарство почитаются.

Как с вещами собрались, так и двинулись в уход с Урал-Камня. Пусть город Владимир из нового дома не углядет, собор Успенский не приметить, зато газета не обманула с названием: прозывалось невеликое поселение именно Малиновой Горой, и никак иначе.

В неотступности явилась одна зима, потом вторая.

Теперь пошла жизнь по календарю и занятному, и приветно особенному. С вечерней зарей здешние сугробы наливались волшебным, задушевно малиновым жаром. Поутру

Игнат бежал в школу, ухватив блин, смазанный маслом. Об таковскую пору снега отдавали матовой, скоро проходящей, синевой. А кое-где случалось видеть и стойкую под елями бирюзу.

После школы полагалось делать урочные задания. С ними, когда без лени усердствуешь, справляться было нетрудно.

И вот уже, оттолкнувшись палками, полетел паренек на лыжах с вершины холма вниз. Лихо сеял по склону рдеющие взлеты снежинок, вздымал радугу облачную в ободрающих лучах декабрьского солнца.

Взметнув крутой вал искристой пыли, он тормозил перед дверями конюшни. Ее построили невдалеке от выхода из лога, возле глинистой запруды, как раз по соседству с размашистым водоемом, но всё ж таки гораздо подале от молочной фермы.

Так и сегодня: разве позволишь себе неоглядно промчатся мимо спящего подо льдом пруда? К слову сказать, Игнат частенько наведывался туда, к забавным стригункам, их буланым родительницам. Во всякое время не упускал способного разза, чтобы навестить деда Воронихина, старого конюха.

Тот с охотой беседы беседовал. Иной час возьмет да и наговорит любопытствующему пареню с три короба разных разностей про лошадей местной породы. Слушать его куда как интересно. Хотя иногда и такое было по нраву прибежавшему собеседнику, чтобы просто посидеть рядышком с дедом, поглядеть на голубей, тихо воркующих у конюшенных тяжелых ворот.

Любят сизари обсуждать вкус овсяных зернышек из мягкой свежей охалки, что подброшена в стойло рысачки Нежданки.

Поди не секрет, о чем тут судить-рядить тако же другим птицам, более шустрым и громким.

— Дед по душе бегунку. Лучше бы этот мальчишка меня послушал, — с возразительным недовольством чирикает воробей, обнаружив конюшенного, с лыжами и палками, гостя у ворот.

Он поселился в синичнике возле дома Игната, нынче считал своей обязанностью приглядывать за парнишкой. Уж чего-чего, но унимать звонкое свое многозвучие в правилах у бедовой птахи не значит.

Готов объявить у всех на виду упреждающий наказ:

— Мой прадедушка здесь проживал свой век. В Малиновой Горе. Старательно подавать голос, воспитывать птенцов никто из его потомков не отказывается. К примеру, я день-деньской чирикаю. В постоянной заботе о подрастающих молодцах. И так себе неотвратимо полагаю, что наша Владимирская земля очень пригожая и славная. Не каждого приезжего мальчишку кинется охотно привечать. Ты допрежь всего докажь: не качан капусты имеешь на плечах. Есть у тебя вполне понимающая голова? Тогда всяк с тобой будет расположенно вежлив. Пожалуйста, спокойно выслушает твоё соображение, тем же порядком даст неглупый совет. Понял, черепушка неугомонная? Совсем конюха достал болтовней. Сейчас полечу, не задерживаясь. Метко уроню щепочку на тебя. А ты, значит, не шастай пустым путешественником по деревне. Небось, дома от тебя подмоги какой ждут, или как?!

Вроде бы наказчик упорхнуть прилачился. Ан себе на уме летучий хитрец. Вдруг из ниоткуда свалился, трепеща крылышками. Аккурат на приоткрытую створку ворот. Вслед за тем подпрыгнул резво, уселся на балку под крышей, взъерошил перышки. Давай шарить круглым глазком сюда и туда, вдоль и поперек конюшенного прохода, только что почищенного Воронихиным. Но главное для беспокойного наблюдателя не то, насколько хорошо тут подметает дед, как раз иное — двигается ли парнишка в скорый уход или упрямо супротивничает.

Не торопится бежать к своему дому? Ну, тогда вот ему осуждающее чириканье! По самому громкому пределу!

— Напрасно ты здесь не шуми, — сказал Игнат. — Заботу насчет дров знаю. Полешками уже запасся. Натопим печь как надо, всю ночь тепло станет держать.

В ту как раз минуту дед спустился с лестницы, поменяв разбитое стекло в окошке. Когда руки не дырявые, то и всякое дело спорится без какой запиночки.

Справив неотложное работанье, Воронихин проявил душевно спорую доброту: не отказался разговаривать новые разговоры с любопытствующим гостем.

Глава 3. КОНИ ЗАВСЕГДА СГОДЯТСЯ

О том, о сем толкует, и почему Игнату не послушать, коль на печные заботы у него исключительно верный укорот? Конюху пришла охота сравнить нынешние времена в Малиновой Горе с давешними.

В деревне найдешь теперь хоть автомобиль с трактором, а хоть и высоченный комбайн для подбора золотистой пшеницы. Зачем вроде бы держать в конюшне

лошадей и беспокоиться о кожаной упряжи?

«Нежданка не зря в рысачках числится, — подумалось Игнату. — Она прокатит, так уж прокатит. Любой мечтает с ней подружиться».

У деда свои соображения имелись касательно быстроногой Нежданки. Не в пример были они серьезней, и не скользнуло мимо парнишки непрременное понимание: иной отчаянный малиновогорский удалец возгорится желанием оседлать кобылу, запуститься вскачь по развеселившейся улице, ан и ничего не получится. Конюх любому воспрепятствует баловаться. А когда ты до рысачки большой охотник, то лучше постарайся насчет полезного для нее корма.

Улыбается Воронихин, поскольку догадывается о молодых мечтаниях, и дает собеседнику, нынче нисколько не лишнему, особую подсказочку:

— Первым делом всем коням нужен аккуратный уход. Они ведь не то, что железные машины. Все тут на сто процентов безотлагательно живые. Не подойдет для них, чтоб тот же овес был от случая к случаю. Именно что не автомобиль Нежданка, и полагается ей по всему порядку питаться. Даже тогда, когда не работает, а просто в стойле своем находится, отдыхает, денно потрудившись.

Подмигивает конюх Игнату. На тот предмет, чтоб поскорей пришло тому нужное соображение. А разве здесь ошибешься, впопыхах заплутаешь в досужих размышлениях? Ясная картина проглядывается. На дворе мороз трещит, и грузовики, вернувшись из поездов, стоят в гараже. Притихли. И как водится, помалкивают.

Лошади — напротив того: хоть стоят вдоль конюшенного прохода в своих стойлах, однако бьют в нетерпении копытами. Им потребно трясти гривами, а другой раз беспокойно заржать.

Высказал Игнат деду всё как есть. И насчет копыт, и насчет ржанья. А тот и доволен, опять улыбается:

— Глянь! Ровно медведи-топтуны за перегорождками. Их топотне есть озабоченная причина. Надобно срочно подбросить сенца в кормушки.

— Поскольку живые существа? — откликается Игнат. — Находились в хомутах с утра, проголодались?

— Догадка у тебя не пустая. Вот Нежданку охачкой угостил, а мне было не успеть, чтоб до каждой лошадки дойти. Кое-какой ремонт приключился. Посему, вишь, довелось припоздниться.

— Да я сейчас помогу!

Не в почете у парнишки обмерзлая несообразительность, глазасто примеривается он к трехзубым железным вилам. Если обносить гривастых тяжеловозов, то не медлит с угощением. А если куда в очередь направляется, конечно же — в сторону молодых коньков. Заодно и родительницам всех этих жеребчиков не забывает подкладывать душистого сенца.

Нежданке поднести дополнительное беремя?

Весьма желательно, поскольку и сама, и стригунок ее несомненно греют душу дедовского помощника. Рысачка косит на мальчика большим лиловым глазом, с марьяжным довольством постукивает подковами. Подношение мальчика с ревностными вилами ей по вкусу: фыркает по-доброму и мотает потихоньку большой костистой головой.

Под самую крышу залетел воробей. Там сидит, нахохлившись, раз и за другим разом старается уронить деревянную крошку на Игната. Скорее всего, уже надоело бедовой птахе выковыривать из стропил занозистые щепочки, да ведь конюшенный гость не думает уходить домой. Вон же — ухом не ведет на проказливые подаренья сверху. Как тут не подсуетиться?

«Погоди, лошади! — возмущенно подпрыгивает воробей. — Никак не иначе, одолела тебя либо глупость, либо лень. Сейчас запляшешь у меня! Где тут старые голубиные гнездванья?»

Обнаружились они под застрехой.

Получай, гуляка-лыжник! Лови на голову соломенную труху вдругорядь. Прыгай и голос подавай, украшаясь конюшенными — под крышей — запасами.

Посыпались вниз голубиные перышки, желтые соломинки, всякое гнилье вперемешку с комочками засохшей глины. На том-то верху вольная воля малиновогорскому стражнику. Так что не одному лишь дедовскому помощнику — главному начальнику, бородатому Воронихину, повседневно хлопотливому, достало вдоволь шальных преподношений с длинных сосновых балок, вознесенных очень росло.

С полушубка на пол стряхнул конюх птичьи подарки, приподнял строгую бороду, погрозил шалуна пальцем.

— Ты у меня из непрощено бойких шустряков. Кыш отсюда, разбойник муромский! Затем дорожиться не стал, поспешил объяснить Игнату:

— В наших краях есть лес. Необозрим он и гушины такой, что просто запущенно одичавшей. Перед всеми путешествующими слывет Муромским. Среди тута проживающих славится не столько грибами белыми, сколько бедовыми людишками. В наши дни супостатов, конечно, поуменьшилось. Но коль надо кого обозвать, чтоб громко и с горячим сердцем, то завсегда поминают ухарей муромских.

Дав парнишке малиновогорскую подсказку, взял метлу и нацелил всю как есть связку длинных прутьев в застрельщика мусорного беспорядка. Вымету без церемоний! Понял?

Заприметил тот, что начирикал не ветерок зябкий. Не въздыханье вихорьковое, а сердито грозное воспротивление. Как дошло до шалуна, так сразу он — поскорей прочь, в свою домушку, где в дощатых боковых стенках ни единой щелки и никакого деда не забоишься.

«Правильный поступок нынче, — одобрил Игнат мысленно. — Здесь того и гляди попадет от конюха летучим гостинчиком. В ответ на преподношения с потолочной балки».

Воронихин меж тем подошел к саям, на которых с час назад привез для коней много свежего корма. Вилами стал опораживать сенное беремя, и широкое, и досточтимо высокое. При всем том не оставлял своих вдумчивых рассуждений.

— Машина, слов нет, вещь хорошая. Ничего не имею против таковского вспомоществования. Только доложить тебе хочу, молодой беседчик: души у нее все ж таки нет. Лошадь, спорь или не спорь, напротив, не равнодушная, нисколько не металлическая. Она каждому в работе, что потяжелше обычной, не откажется подмогнуть. И поговорить с ней, обязательно живой и тепло дышащей, тебе станет возможно. Ровно как с понимающим деревенским соседом.

На диковинку откровенную подивился паренек:

— Да ну?

— Точно выговариваю. Вот скажи рысачке насчет препожалованной твоей услуги: кушай, милая, на здоровье! Слова человеческие услышать станет ей приятно. Тогда не откажется она выказать одобряющее понимание. Незамедлительно покивает, отвечая своей нежной лаской.

— Ну да! — Игнат, потрафляя Воронихину, вмиг оборачивается и взирает на родительницу стригунка вполне ошарашенно.

Сам себе бормочет касательно дальнейшего действия близ лошадного стойла: может, взять и погромче озвучить для кобылы дедово нежданное речение?

Оно бы так и последовало в расположенной согласности, да только не устраивает ли старый конюх розыгрыша? Он в деревне всем близким и дальним соседям известен как беседчик-говорун. Поди, сейчас возьмет и засмеется: что, словесной городьбой обхватил кой-кого напрочь!? А ты, нынешний лыжный гость, все-таки знай смотри в оба и не доверяйся хитрым оборотам. Иначе не успеешь проморгаться, как получишь веселое поучение. Касательно того, что здесь шутка проскочила. И теперь, значит, вместе давай покончим с разговорами о невиданной лошадной умности.

«Пусть Воронихин говорит по-всякому. Хоть так, хоть эдак, — Игнат потихоньку трет вспотевший лоб. — У Нежданки все равно вижу особливость».

Скажу нужные слова — приходит внезапное решение. И оно, может, правильное всяких правильностей, потому как не переводятся в Малиновой горе особые интересности. По таковскому поводу пусть рысачка покажет, на что способна.

Глава 4. СТОЙ СПОКОЙНО

Она, опустив длинные ресницы, взглянула на овсяное подношение. И когда дошло до нее, что Игнатово ласковое пожелание истинно тут честнее честного, передернула ушами. Вдохнула во всеуслышанье, затем мягко фыркнула и потянулась к мальчику.

— Не бойся, — усмехнулся дед. — Стой спокойно.

Нежданка положила тяжелую голову на плечо овсяного дарителя, закрыла глаза умиротворенно, и довольный конюх сразу приступил к необходимым на сегодняшний день разъяснениям:

— Уважает твое доброе к ней отношение. Теперь, парень, станет дружить с тобой. В общем и целом запомнит благорасположенное удовольствие сытого проживания по соседству с человеком хорошим, вполне достойным. Однако же в дальнейшем постарайся не задеть лошадь каким необдуманым поступком.

«Зачем мне обижать ее? — задался мысленным вопросом Игнат. — Лучше приду и в другой случай опять подброшу умной рысачке чего-нибудь несомнительно вкусного».

Вот ведь слыл дед возвеличенно скромным, как есть невеликим по своей службе в конюшне малиновогорской. Однако отличался полезными речениями и оттого признавался человеком далеко не пустым. В явности Игнат даже подивился на

воронихинскую правду, до которой любому бедовому однокласснику не враз дойти.

Завтрашним днем, когда приспешут школьные уроки, не забыть бы похвалиться — удалось подружиться с красавицей Нежданкой.

Вскороги за тяжелыми дубовыми воротами начали стучаться сумерки. Основательно закатилось ясное декабрьское солнышко за кроны деревьев — охотно кануло в урочища задичавшей муромской чащоры.

Уже нет нужды старательно орудовать трехзубыми вилами, коль все лошади наделены санными охапками. Взяв беговое свое снаряжение, вышел парнишка из конюшни. Обнаружил, что спешила окунуться в тьму лиловую та гора, с которой недавно спускался на лыжах и где взвизгивались блестящие искры.

Конец вольному гулянию, раз поутихло в полях солнечное возгорание и заждалась бодрого лыжника напрочь захолодевая тропка, что напрямик вела к дому. Глядит Игнат по ходу торопливых шагов и что видит? В морозной иссиня-серебристой мгле посерели пухлые сугробы вдоль огородных заборов.

Переставляя уставшие ноги, поднимается он с низины овражной к деревенской улице, а пороша, уминаемая валенками, скрипит себе и скрипит. Она к вечеру и сильно певучая, и звонко упругая, будто ее подпирает из глинистых глубин земли какая пружина. Лыжи у мальчика на плече. Им по столь позднему часу не возбраняется отдохнуть, завсегда способным бегункам.

Что касаясь озорника-воробья, тот к своей домушке не удосужился долететь. Поскольку до печенок проникся взволнованными чувствами.

Две избы всего-то не одолел, ан свободного мимолета не было ни на грош: хищно когтистая сова гукнула с ближайшей уличной березы. Тень ее скользнула встречу порхающему шустряку. Он забил крылышками, кинулся назад, к плотине.

Сова поначалу не сообразила, куда подевалась бедовая птаха. Села, призадумавшись, на почерневшие от времени балясины огородные, покрутила головой. Затем опять взмахнула широкими крылами и, взмыв над заборами, почала кружить в поисках добычи. Не сказать, чтоб проявила недюжинную догадку, а всё ж таки наладилась в полет к пруду.

Там, на плотине, еще с лета поселились мыши. С ними станет полегче — авось, не промахнешься. Нынче самое время посумерничать в кустах: когда от бойких деревенских котов подальше, однако же к серым мышкам очень даже близко. Угоститься одной-другой погрызухой совсем неплохо, коль не удалось словить воробья. А тот вовремя заметил осторожный совиный подлет. Да взял и рванул в овражные верховья, оттуда свернул в сторону заснеженной еловой чащобы, чтобы кружным путем возвратиться к малиновогорской уличной березе.

Нет резона для шустряка попадаться на глаза когтистой хищнице. Забился в развилку толстокорой ветки. Появится тут сова сызнова или потеряла след напрочь?

Притих, сидит, нисколько не шевелится, но погони что-то не видать, и тогда смелости ему стало прибавляться. В спокойствии своего пребывания на высоком дереве начал привередничать — то одно перышко чистит клювом, то другое, и между прочим позволяет себе ершиться, подпрыгивать на ветке как есть беспечно.

Смотрит воробей — мальчик по тропке шагает с лыжами на плече. Кажется, не лень ему песенку насвистывать. Нисколько не соловей, ан что себе вытворяет!

— Вот ты здесь какой! — всполошено запрыгал на ветке малиновогорский стражник. — Знаешь хорошо, что я могу лишь чирикать, о чем другом даже не помышляю. Поэтому в укор мне выдаешь соловьиные посвисты, да? Погоди у меня! Скажу соседскому Пете-петушку, он попоет у тебя под окошком ни свет ни заря. Разбудит среди ночи. Тогда, бродяга лыжный, пой соловьем хоть до самого, до солнца!

Глава 5. ЗВЕЗДОЧКА

Не ведал Игнат, что ждало его пополуночи. Шагал себе, отдалялся от конюшни. А если куда приближался, то не к тому строю дальних изб, где мелькала тень голодной совы, — подале, к заветной приступочке, к чисто подметенным ступенькам родного по нынешним временам крылечка.

Идет и между тем примечает: деревня быстро замирает, вот уже вся в полусонной дреме.

Круг, в котором обретается завьюженная улица Малиновой Горы, притихше чинный. И ни одна собака не гавкнет. Не объявляется в пуховых сугробистых пределах, чтобы стать доступной мальчишескому глазу. Кажется, и лаять им всем — повседневно дотошным, отчаянно громким сторожам — по темнеющей поре нисколько не в охотку.

Светятся огоньки в избяных стеклах. Там, за бревенчатыми стенами, вечеряет, чаевничает, посиживая у столов, сельский народ.

Среди электрических сполохов, вырывающихся на улицу, видит парнишка

огненный всплеск — ровно тебе какая звезда воссияла на косогоре в толпе молчаливых деревьев. Почему-то мерцающий там блеск. Манит он, манит Игната, прям-таки завлекательно приглашает к березам. И даже в ту даль, что поднимается от муромского леса вверх, расстилаясь небесным пологом влево, вправо, над головой, в бездонные стороны света.

Закинешь голову, поднимешь глаза ввысь, а там уже заметишь звездную дорожку, что прозывается Млечным путем. Ишь, ведь как получается! Не иначе, есть тебе памятное слово запрячь красивую рысачку в дровни, посадить туда ребят, которым по нраву землеустроенное возведение плотины. А потом всем ребячьим кругом мчаться по звездной дороге к чудесам владимирского неба. Приглашают ведь тут, и если отказаться, то напрочь невозможно.

Поутру приключилось нежданное. Объявилась у парнишки высокая температура, почала жарить хоть руки-ноги, хоть лоб и щеки. Видать, простыл он, вихрем гуляя в поле и на сугробной горушке. По таковской поре никуда не денешься, а только знай лежи запечено притихшим.

Следующую ночь всю, как есть, бредил — вскрикивая и высказываясь о далеких небесных светилах. Не слышал ни сверчка под лавкой, ни петушиного пенья за окошком, знатно выбеленным снежной бахромой.

Тревожно-лихорадочное образовалось времечко, и деревенский водитель Витольд Баснов обнадежил родичей Игната: на автомобиле повезу больного к врачам. Машина у молодого шофера — пурга вам или не пурга — борзо проходила по белым застругам проселка, поскольку резиновые скаты были сноровисто обвязаны цепями.

Укатил Витольд, после того как машина стрельнула выхлопной трубой, безостановочно повёз мальчика. В свою очередь воробей, что сидел во дворе на шесте, исполошенно сорвался, перепорхнул на крышу дома.

Поначалу малиновогорский шустряк примостился на козырьке печной трубы. Ан черноватый дым, споднизу разогрев кирпичную кладку, не на шутку разошелся. Наладился он щипать круглые бусинки глаз, и что воробью делать? Отступил, перелетел на обитый железом конек, принялся там, в некотором отдалении от сажистой черноты, неотступную думу размышлять.

При всем том, гадая о нечаянных на дворе хлопотах, сам себя всячески оправдывал:

«У Пети-петушка спина горит, как жар, а хвост весь что ни есть отчаянно краснотой полыхает. Ну, дал я ему, огненному соседушке, два ячменных зерна. Посоветовал в три часа ночи распустить красивый хвост, покуракаться. Не так уж много шума вышло».

Здесь размышления у шустряка приостановились, потому что неправда стала колоть глаза. Взволнованно запереступали тонкие ножки-палочки по коньку, и обозначилась в думах новизна:

«Ладно. Пусть сильно хлопали крылья у Пети-петушка. Тряс он бородкой и кукарекал во всю мочь. Что было, то было. Но разве с этого крику бросишься без промедления болеть? Я на месте парнишки старым драным валенком запустил бы в крикуна. Только и всего. А высокой температурой обзаводиться — это, извините, никак нельзя».

Покрутился воробей на месте, повздыхал, пошел дальше утруждаться в оправдательных рассуждениях:

«Такого не водилось в Малиновой Горе и при дедушке моем, и при других володимерских наших предках. Ослабел здоровьем мальчик, в том всё печальное приключение. Знаю по себе, как оно бывает. Иной раз по январю глотнешь лишку морозца, сипишь затем цельную долочку времени. И потому вот что нынче полагаю. Мы с Петей-петушком при сегодняшних делах, как есть, сбоку припека».

Не скоро вернулся Игнат в малиновогорские пределы.

Хвороба — занозисто прилипчивая — заявляла о себе день за днем с месяц, если не больше. Витольд Баснов, навещавший больного по случаю, и тот крепко выразился: закрывай рот на замочек, не закрывай, а только чтоб ей, заразе, провалиться неутешно!

Доктора пусть всяко старались, однако пришлось занедужившему провести зиму в явности поодаль от пруда и деревни. В каменно обустроенном городском поселении. Там как раз находилась та больница, что знай себе обваливала упористые наскоки горячего лиха.

К родному крыльечку Баснов доставил парнишку в конце марта — когда снег на дорогах сильно стаял. Когда запушились вербы в ложбинах и вздувшаяся речушка до краев наполнила запруды возле конюшни обильно талой водой.

На ту неделю снеговая тропка в прогоне исчезла напрочь.

Поди теперь, поднимись к деревенской улице, остановись у родной приступочки, оглянись — видна вечерняя заветная звездочка? Нисколько ее не видно в теплых туманах весны. Хотя бы и времечко подоспело позднее, и ветерок обнаружился ласковым.

Не иначе, Игнат, не пришел всё же урочный час досконально обсмотреть небо. В

обширности глубокое, в тихой приветности звездное.

«Ничего, — думал он после возвращения домой. — Покамест надо навестить лошадей у Воронихина. Однако то чудо пресветлое на угоре, за деревьями, в иное время отыщу. Авось, не промахнусь».

Глава 6. ЖЕРЕБЕНОК ВЫГЛЯНУЛ

Намеченный день подошел.

У пруда, покрытого пузырястой пеной протаявших льдин, Игнат заприметил деда Воронихина и очень обрадовался ему. Будет нынче разговор, неспешный и доброжелательный, а что касаяемо скуки бессловесной — ее не будет даже на грош.

Конюх устроился на плоском камушке возле воды. Чинить лошадиную сбрую вольготней, когда пляшут на мелких волнах вербные шарики и прилетно озабоченные утки ищут подходящие места для гнездований укромные.

Птицы привередливо разглядывали береговые тростиночки, негромко побрякивали.

Шорничать — вполне уважаемое искусство, сполнять его лучше пальцами крепкими. Чтоб дело шло с дорогой душой. Именно что с любовью к тяжеловозам, рысакам и к сладкому весеннему раздолью.

Ворота конюшни были открыты в усердности широко, настезь. Вливайся, бодрый воздух, входи, долгожданное тепло, пахнувшее оттаявшей землей!

Из створа вылетела пара голубей, затем выглянул жеребенок. Распахнутый простор чем-то ему не понравился, он поспешил взбрыкнуть — исчез в темноватом затишке мамашиного стойла. Через минуту потихоньку двинулся назад, возле одной из створок показались его любопытные ушки.

Игнат присел на скругленную макушку валуна по соседству с дедом, стал смотреть, как мастер связывает ременную упряжь.

— Никак помощник объявился? — поднял тот голову.

Видать, заинтересованный был вид у гостя, как раз потрафляющий шорника на беседу, коль глаза посмотрели на Игната нисколько не равнодушно. По-доброму глянул Воронихин. Обозначилась в бороде, в усах улыбка, встречно благодушная, поощрительная.

Старику можно с камушка не вскакивать, не всплескивать руками, обронив иглу с толстой суровой нитью, — только нельзя не обнаружить радость перед парнишкой. Ведь молодец! Вернулся из больницы, первым делом прибежал в конюшню!

— А что? — Игнат мигом сообразил, как поддержать беседу. — Я не отказываюсь помочь. Если надо. Тут жеребенок выскакивает. Он чей?

— Нежданкин.

— Не убежит? Без привязи?

— От мамки денется куда? Ласковый малец. Так и ходит за ней, ровно привязанный. Однако побегать вокруг и рядом не отказывается. Игрунчик такой, что любо-дорого посмотреть.

Игнат заприметил на холме, прогревом лучами весеннего солнышка, зеленые стрелки молодой травы. Нарвал побольше, да затем и не поленился: отнес Нежданке весь пук мягкой зеленцы. Та, скорее всего, не забыла приветного парнишку. Потому как приласкалась, когда было ей сказано: «Кушай, милая, на здоровье».

С тех пор воронихинский пособник каждый день навещал обитателей конюшни. И если что просил дед, ничуть не отговаривался гость участливый, а сполнял всё так, чтоб по уму было — аккуратно, добросовестно. То проход между стойлами почистит скребком, то сена подвалит в кормушки. Иной раз воды принесет из ручья.

Вскоре подкатили последние денечки апреля.

Белые пушистые облака поплыли по иссиня-голубому небу, с запада — на восток, и в пути желалось им клубиться неудержимо, поистине сугробисто в завидной белизне. При всем том они росли в вышину, что башенные замки: вставали весьма охотно, но лишь тогда, когда не обнаруживалось ни единого дуновения ветерка.

Небесное светило прогревало поля и леса теперь заметно усердней, светлые часы весенних суток становились длинней, ночи сноровисто ладили свое — спешили укоротиться. Парило сильно, в муравейниках поубавилось прохлады, тамошние прожигатели открыли поскорей входы и выходы, чтобы проветрить подземные коридоры.

Расторопно семеня лапками, полезли мураши дружка за дружкой на деревья, которым приспело вбирать в себя соки матушки-земли.

Там, на высоте, шустрые посетители, обдуваемые теплым воздухом, старались вовсю — щекотали кору усиками. Где, позволите спросить, назначенный прокорм? В срочной потребности личинки да притихшие после морозов букашки. Всё тут нам стодится

на завтрак.

Березы как-то сразу встрепенулись и всем скопом обрядились в сарафанисто длинные уборы. Май встречали, махали гибкими ветками, хоть на прозрачных опушках, хоть и подале — в середках бирюзового перелесья. О чем перешептывались, только им, завсегдашним красавицам, было ведомо, но вряд ли чурались обсуждать новости: журавлиные пролеты на озерные закраины, хлопотливые заячьи пробежки среди луговых стожков.

Через малую толику времени засновали по рощам жуки упористого покраса: и темно-зеленые, и бронзовеющие. Словно маленькие бомбовозы, гудели они между стволами деревьев. Порой случайно ударялись о крепкие сучки, и тогда доводилось некоторым из них падать в траву на манер очень крупных дождевых капель, чтобы вновь подниматься, взлетать к изумрудным кронам.

А в школу Игнат не пошел. Потому как много занятий тамошних пропустил, остался в стороне от урочных наук. Выпала ему доля задержаться пока что дома, чтобы по осени торить повторную тропку в шестой класс.

Такая вот незадача грустная, однако спорить не приходилось нынче. Разве мечтал он стать второгодником? Не было таковских дум. Сложилась в метельно зимнюю пору нештутейность болезная, и с ней погоды не спорь — сполняй прилипчивый отпуск.

Май обнаружил череду шумных гроз. Налетали с полей вихри, приносили волнующий аромат свежей пахоты.

Фиолетовые тучи раз и за другим разом вставали над лугами, щедро поливая овражные ручей. Знай себе полнили запрудное озеро со всеми его лягушками и прилетными утками. Сноровистым оказался май зеленокудрий, и если кого обидел, то никого не задел, чтоб до полного расстройства: всем достало влаги.

Получили свою долю зверюшки в Муромском лесу и хвостатые рыбные прожигатели в пруду. И гороховому полю с пологого краю речушки, и гречишному на светлом угоре хватило вдосталь. И полю с турнепсом, откуда ветер доносил коровам вкусный кормовой запах, и ржаному, необъятность которого во всякий день радовала хлеборобские взоры.

Такоже выпало влаги с избытком хоть для малиновогорских бань, хоть для кадушек, где сбиралась вода на предмет огуречных поливов.

На плотине Игнат нашел несколько старых бревен, из них смастерил плот. На прочно плавательном сооружении не случай, ходи с одного берега на другой. Поставь парус и — вперед! Весло опять же заставит связку бревен много усердней двигаться наперекор мелким озерным волнам.

Идет по беспокойной водной поверхности веселая рябь, налетевший вихорёк просвистит среди веревочных снастей, тем часом парнишка неутомимо правит в сторону от плотины. И не куда-нибудь, а как раз в узкое верховье. К тому случаю, чтоб затем возвратиться вдоль длинного водоема назад, к глиняной запруде.

Ране имелись у него мечты-чаяния касательно озерных путешествий или нет, а только пошла у парнишки парусная служба. То прямо с утреннего быстрого завтрака, иной раз опосля щей обеденных и непременно каши. Ни для кого не стало секретом, что по душе мальчишке налаживать веревочную снасть, ловко пускать в ход рулевое — на корме — длинное весло.

Воробей, что поселился на шесте возле дома, не вот вам одобрял этого Игнатовского увлечения. Прилетит и сбросит на плот острую щепочку жердины либо сухую крошку еловой гнилушки. Намусорив, возвращается восвояси и воробьихе начинает разъяснять:

— Терпеть не могу бездельников. Мы с тобой гнездо ладим. Утруждаемся, как положено. А некоторые, пугая лягушек, по воде стремятся гулять. Когда солнышко светит, вдоль берегов плавают. И когда прячется оно за тучу, снова плавают. Что за новости? В Малиновой горе отродясь парусов не видывали. Здесь у нас работающий народ обитает — не прудоплаватели какие.

Глава 7. СЕНОКОСНЫЙ УГОВОР

Мураши к теплу приладились, стали умножать свое народонаселение, жуки, наоборот, так далеко попрятались, что больше их и не видать. Погоды разом к лету повернулись, и всю зазеленели горох, рожь, гречиха сбочь лесной чащоры. У них, известно, таков порядок произрастания, чтоб по всему владимирскому ополью наливать соком изумрудные стрелки и быстро гнать крепнущие стебли ввысь.

Турнепс шарами дулся, мячами на диво крутобокими, — ему ловко удавалось своевольной раздвигать макушками влажно податливую пашню. Глянешь на поле кормовой репы и что примечаешь вдруг? Словно сотня упитанных розовых поросят посиживает под метелочками широких листьев.

Игнат туда не раз бегал за репой, чтобы угостить от всей души Нежданку, а также ее стригунку, не спознавшего пока что ременной упряжи. Если кто ждал, что парнишка забудет о лошадях, то понапрасну тцился — обитатели конюшни полюбились беспеременному гостю, поскольку очень нужные деревне, очень понимающие были тут у Воронихина в стойлах подопечные.

Солнышко припекало к середке лета всё жарче. И как только вымахали в полный рост на лугу сочно питательные травы, начался вблизи Муромского леса обстоятельный сенокос. Ведь в Малиновой горе у каждого домового хозяйства — корова. Ей на зиму полагался припас, верно?

Бригадир дядя Трофим поделил просторный луг на равные участки. У тебя имеется безотказно удойная животиная? Вот обладателю буренки уместная делянка. Начиная заготовку кормов для семейной кормилицы, в том числе для овечек да коз, если желаешь увеличить поголовье на дворе — зимой твои детишки как раз не будут горя знать.

Помог он и с транспортом: шофер Витольд Баснов отвозил на грузовике сено, когда лошадям случалось притомиться.

Июль торопил размашистых косарей. Сильная жара сменялась грозowymi ливнями. И получалось что? Насквозь промокнешь, отправишься домой, поскольку поднялся в пять утра. Приляжешь отдохнуть, на полчаса успеешь смежить очи — опять солнце катит в зенит и палит уж так немилосердно. Значит, тебе дорога на травостой лежит, острой литовкой махать поспешай.

Какуюakraину прошел — снова прибегают дожди с молниями и отчаянным громом. Ясное дело, напрочь неспособной глядится подлесная равнинность, искать косарю не переставать удобственные июльские минутки.

Кроме того, иная забота обнаруживалась. Скошенная трава пусть охотно сохнет, однако же капризная погода покосу не самая добрая подмога. Поскорей надобно убрать сено под навесы, чтоб не сопрело по причине излишней влаги. Ему уйти в землю ничего не стоит. Читанные дни потребны на таковское диво, и в радость оно лишь дождевым червям.

Уж зарядило, так зарядило. Не на шутку! Развезло проселки, что всклень очутились налитыми. Поплыли даже лесные тропки.

У телег ступицы колесные вдруг почали садиться в глину, препятствуя всякой тягловой силе путь-дорожку прокладывать.

Касаемо басновского грузовика, тот покамест не сдавался. Мотался по дворам, способствуя благоприятному пребыванию односельчан в прохудившемся июле. Одному подвезет пышное сено, до которого будет охоча буренка хозяйская в белые холода. Другому доставит духмяный кузов лугового разнотравья.

А третьему — как ни крути Витольд баранкой — помощи всё ж таки не дожидаться. И тогда у бедолаги коровье зимнее пропитанье пропадает где-нибудь на сырой опушке.

Хорошо, объявился благорасположенный доброволец. Игнату пришла в голову несогласная с губительными дождями, вполне живительная мысль. Он тут же дал ей нисколько не заторможенный ход. Вот же имеется повозка с приметно большими колесами! Запрягай кобылу и по самой ранней поре подъезжай к дому бригадира!

Как замысливалось, так и свершилось. Подкатил с утра пораньше, доподлинно заявил:

— Тоже и я могу возить с делянок. Транспорт этот глядится неспешным, однако подъемистый поболе других телег. Дядя Трофим, не возражаете покосные дела уширить? Воронихин дает лошадь. Нежданка меня слушается, не сомневайтесь.

Бригадир обошел кругом смирную повозку. Потрогал упряжь Нежданкину, подтянул постромки. Согласно хлопнул ладонью по высокому передку дощатого сооружения.

— Зиму ты, конечно, болел основательно. Отдохнуть бы опосля всего, погулять сейчас вволю. По ягоды можно сбегать в ближний лес. Неплохо также порыбачить на Пекше. В омутовом, к примеру, местечке. Лишь бы развиднелось на мокром небе.

— Опять дождь зарядил. Теперь одному Баснову не сдюжить.

— Витольду, честно говоря, приходится туго. Насчет поубавления горюшка злостчастного кой-каким хозяевам.

На правдивые Трофимовские размышления паренек обрадовался, как ни разу до сей поры:

— И я о том же толкую!

— Спору нет. Сенокос богатый выдался в нынешнем году. Оттого сильно плохо выходит, когда на делянке у мужика добро идет прахом. По причине громких ливней. Ладно, будем считать, что приключился у нас неотложный уговор.

Прослышав про благорасположенную придумку парнишки, малиновогорский стражник, вездесущий воробей, помчался взбалмошной стрелой к супруге.

– Работящего полку в деревне прибыло. Как полагаешь: надолго хватит молодой подмоги? Или скиснет завтра парень? Нет у меня веры в твердость нечаянного этого приспешника.

– Ах, отстань тут суетиться! – в неудовольствии супружница повела темным клювиком. Таким точно толстеньким, как у непоседливого хозяина домушки. – Мне бы малых деток накормить. А ты всё про своего мальчишку.

– Он, понимающее обрати внимание, вовсе не чужой, – сердито заерепенился воробей. – Как есть, наш нынче! Поселился в Малиновой горе, и что значит? Требуется наблюдательный присмотр от нас. И дедушка мой, и прадедушка поняли бы и суету, и всё небеззаботное прочее. Они свою сторонку любили, одного потому желали – чтоб проживание в ней шло путем годным. Не вот тебе через дубовую пень-колоду.

– А я говорю: отстань, заполошный! – осердившись на крикуна, решительно воробья отвернула.

Ей некогда здесь балясы точить. Пришло время детишек подкормить. Так будь добр, малиногорский стражник, подмогни, принеси мальчикам капустных гусеничек, либо капелюшек амбарной мякины, либо чего там еще, но только чтоб примолкли пищать огольцы.

Ну и как оно, услышали звезды воробьиный спор?

Вряд ли, уж очень стройно шли на деревню тяжелые тучи, всю небесную ширь заполонили. И ничего вверху, кроме их упрямой череды, не разглядеть было, хоть вблизи, хоть вдали.

Глава 8. ВОЗУ КРЕПОСТЬ НУЖНА

Навить несколько не спотыкающийся воз – мастерство хитрое, потому как на всех неровностях проселка надобно крепко держать сенное возвышение.

Для той безотказной прочности, водитель Нежданки, поспешай по углам телеги выложить копейки равного размера. Затем не забудь аккуратно застлать середку, чтоб не выше вздымалась и не опускалась ниже четырех краев. Тогда именно что выйдет у тебя устойчиво ладный кубарик. Тот самый, который не расплзется трухой по кочкам. И едучи в гору, не рассыплется окаянно.

Игнат – ничего, ничуть не зевает, не лодырничает.

Он уважает селянскую сноровку, не спорит с ухватками записных возчиков-сенозаготовителей. То и делает, что поперечным старательством не увлекается, вилами строит сенное возвышение обстоятельно. Трудится – хоть на равнинном лугу, хоть на холмистом подъеме, где светло-зеленые елочки пушатся – наравне со всеми малиногорцами. Истинно так, как оно требуется по владимирской деревенской науке.

Перед тем как отправиться в дорогу к навесам, парнишка поправляет свое сооружение. Тильную сторону очесывает усердно, с боков наводит походный порядок. Прошествоует в обязательности вокруг воза, на особый предмет осмотрит всё придирчиво: ничего тут не перекособочено? Неуклюже свисающая прядь не захочет ли царапнуть взгляд? Когда присутствует всякая приличность, то и пусть будет согласие!

Непросто это – снарядить Нежданкин транспорт, если и крепость возу потребна, и сноровистая красота. Ладно смотрится повозка с грузом санным, тогда каждому деревенскому проживателю, не иначе, есть доказательство на тот счет, что Игнату хватает мастерства.

Всё будет хорошо с лошадиной упряжью, с колесами, недавно подновленными Воронихиным, также с высоченной тележной поклажей. И раз по всем признакам справная хозяйская жилка проявлена у мальчишки, то пусть себе катит он с Нежданкой, хоть по луговым кочкам, хоть в горку, где невозбранно стоит стародавнее поселение.

Вот обсмотрена поклажа, дано указание кобыле:

– Трогай, милая!

Чмокнул Игнат заолоделыми на ветру губами, потряхнул длинными вожжами, что вырезаны были конюхом из толстого брезента. Каурка, понимавшая хорошее к себе отношение, возчика юного заслуженно уважала. Враз уперлась в землю всеми четырьмя ногами, голову от усердия принагнула. Эх, погодка не шибко радостна, а всё равно: не моги, посторонний какой, застопорить нашенское с парнишкой продвижение!

Дернула рысачка воз, и – ступай себе, телушкино сено, до нужного дома.

Телега скрипит, готовясь чуть что сотворить остановку. Всё деревянное обустройство потрескивает под тяжестью не показной, а вполне увесистой поклажи. Приходится доскам, не вот вам занозисто железным, сотворенным плотниками из бревен сосновых, не расслабляться, а напротив, крепиться. Не дозволено постройке взять и развалиться, она потому и не поддается.

Покачивается возчик на сенной верхотуре. Поглядывать вперед он, конечно, поглядывает, однако не забывает прислушиваться к деревянному бормотанью: кой-чему поскрипеть немного не возбраняется, и всё ж таки нельзя допустить, чтоб негромкий звук обернулся каким громким треском.

Мысли у парнишки всякие, одна из них на особицу тревожная. Сиди на возу усидчиво, не сиди — кто увидит пролет темных облаков наверху, ощутит зябкий наскок ветра с озера? Что другое также не лишне приметить.

«Ты воз навил порядочный. И вроде колеса крутятся по мере своей возможности. Вот только не слишком-то продвижение по дождливому времечку получается торопким. Подсказать разве Нежданке? Ведь может упористая рысачка наддать».

Путь-дорожка миновала парочку опасных мест с глубокой глинистой колеей, нынче разрешено ускорить шаг или как?

Задается Игнат непростым вопросом, при всем том потихоньку шевелит вожжей, а кобыла уже согласно кивает. Видно, не прошло мимо ее внимания, стало понятно ей, что сколочена повозка достаточно крепко и правильно навит парнишкой высокий воз.

Одновременно косит рысачка лиловым глазом на паренька: нетрудно бы тебе отогнать слепней, что норовят здесь пообедать. Тот послушно принимается шевелить вожжами, прогоняя с ее спины ничуть не жданных гостей.

Проселок начинает подниматься к изумрудной макушке холма. Мальчик слезает с прочного сенного сооружения, идет сбочь скрипучего транспорта и так себе вслух рассуждает:

«Едем в направлении правильном, и всё пока у нас ладится. Конечно, сил у грузовика будет не в пример больше. Известно любому соседу моему, какая способность имеется у дизеля басновской машины. С гулким лишком сто лошадиных сил дадено мотору на заводе. Всё ж таки, Нежданка, и мы с тобой можем солидно поработать. Верно?»

Она поглядывает на говоруна, кивает, как заведенная. То ли спорить ей не хочется, то ли допекают каурке неутомимые слепни.

Игнат веселым голосом ее подбадривает, поскольку верная догадка есть. Как раз такая, что на виду шагает рядом с телегой не фитюлька пустая, а досточтимо сообразительный поводиры-возчик:

— Толковые слышишь от меня слова. Будь спокойна. Очень даже не зря уминаешь овес в конюшне. И турнепс не понапрасну приношу с поля. Добросовестная ты, исключительно безотказная. Я и дед Воронихин заблаговременно ценили всяческие лошадиные способности. Сильно дорожим тобой по нынешнему часу мокрому, не сомневайся.

Нежданка поворачивает голову, глядит на юного начальника, подперев гибкой шеей гладкую кожу хомута. Словно бы выговаривает — поверю во много крат сильнее, если нагнешься, поднимешь веточку и станешь, помахивая, надоедливых мух прогонять.

Отчего не прислушаться к ее пожеланию? Игнат быть заботливым не отказывается. В единый миг дает остратку маленьким летунам.

Она раньше не держала обид на завсегдашнего конюшенного помощника деда, но теперь верит пареньку, конечно же, больше.

Приподнявшись на угор, дорога потянулась ровная: лужи измельчали, потом вовсе куда-то пропали. Ушли в песок, не иначе. Деревянная повозка перестала натужно подавать скрипучий голос, пошла мягко, без перекосов. Хорошо парнишке, ему нравится править послушной лошадью, и он принимается возле нее похвастываться. Не так чтобы слишком звучно, однако в старательности мелодично — ровно черемуховая пташка в дебрях у речушки.

Совсем был бы счастлив, если б июльскими вечерами объявлялась заветная звездочка в толпотворении малиновогорских берез. Нет слов, дочего желательно приметить ее сызнава. Нынешним летом где прячется она?

Глава 9. БУЛЫЖНИК УПОРИСТЫЙ

Чтобы скорым шагом попасть в деревню, кобыле надо свезти уложенную сенную поклажу с холма, чья макушка покрыта кудрявой муравой, словно какой бархатной тюбетейкой. Также и то верно, что не миновать Нежданке пройти мимо запруды, где в лиловых сумерках любят гукать когтистые совы-полуночницы.

Там, не лишне сказать, имеется птичий интерес другим разом у серых уток: когда солнце встает, им в обязательности нужно поплескаться в блескучей воде. Приятное всё ж таки занятие — набить желудки сочной зеленой ряской! Чтоб с утра пораньше и поплотней!

Вот вблизи пруда, на привычном месте — не отходя ни в коем разе далеко от конюшни — сидел на камушке бородастый Воронихин. Поглядывал на раскрытые ворота, поскольку стригункам не дозволялось убежать куда попало. Куда каждому из

жеребят нынче хотелось унести в безрассудном веселии.

У деда брови строго насуплены. Он по должности своей присматривал за порядком возле воротных створок, при всем том не забывал кидать сторожкие взгляды туда, где с холма спускались по сырому проселку возница и рысачка.

Повозка идет ходко, шибко покачивается или в меру? Картуз у внимательного конюха нисколько не уезжает на седой затылок. Напротив: безотложно к глазам подвинут козырек, и доброхотных помощников Баснова сверлят стариковские зрачки, острые до страсти.

Ой, не понравится деду, если станет плохо командовать кобылой посвистывающий Игнат!

Надобно хозяину конюшенного заведения сей секунд спознать, ладно ли оно обустроено у парнишки — это неожиданно ловкое Нежданкино продвижение к деревенским домовладениям. И вопросительно зорких взоров у Воронихина хватает. Хомут перекосялся? Шлея попала рысачке под ногу? Постромки спутались без всякой на то потребности?

Ясного яснее, что беспечное продвижение — деревенскому порядку ничуть не приверженное — заставит деда с камня приподняться. И вне сомненности молвить слово супротивно рассерженное.

Когда вот таким образом почнет он кряхтеть, взмачиваться много выше над угретым валуном, то и плохо станет дело. Не дозволит конюх, в достоверности наблюдательный, быть парнишке начальником рысачки.

Теперь, значит, время Игнату внимательно глянуть на старого малиновогорского проживателя: спешит ли тот сделать строгое замечание?

Что ж, глаз у хозяина конюшни в явственной достаточности придирчивый, дальновидный, однако никто покамест не поднимается много выше над приметным камнем.

Тогда и случается мальчишеское понимание: старайся, друг Нежданки, лучше — чтоб от собственного шага к шагу! — за травяным возвышением углядеть, также за всем гужевым транспортом, хоть спереди, хоть позади, хоть с боков. Свою каурку во что бы то ни стало привечай, заботу об исправной упряжи не упускай из виду, ежели нет желания позориться перед взволнованным сидельцем. Тем самым, который устроился возле запруды и сей час сторожко сощурился на твой бойкий воз.

Воронихин меж тем вздыхает, сворачивает нос, озабоченный беспокойным топотаньем жеребчиков, в сторону. Туда, где за раскрытыми воротами проветриваются лошадные стойла. Кому там попрыгать захотелось? Тише у меня, стригунки!

Завсегда ему нужен порядок в конюшенном заведении. Не что-нибудь иное.

То дорого старику, когда нет происшествий в глуби помещения. Имеется лишь одно способное хрумканье молодых животных. А также тех доподлинно взрослых, которые подкованно сильны и послушны во всей своей рабочей стати.

Мальчишка по душе, что дед отвернулся, ни слова не говоря. Кажись, повозка в порядке, начальник Нежданки командует складно, спускает с холма санный груз чин чинарем — притормаживает по силе возможности. Исправно следит, чтоб не душил кожаный светло-коричневый хомут кобылу. Чтобы не явилась к ней докучная мысль понестись вниз большими скачками.

Выходит, шла вслед за парнишкой — шаг за шагом — удача? И покладисто чаянная, и любезная? Так оно было до поры до времени.

Штука приключилась понизу горушки. Всё ж таки догнала дорожная незадача приметно умелую телегу.

Серый булыжник угнезвился посередь проселка. Любому понятно, был никем не подсланный тот камень. В очевидной простоте малозаметный, ан солидный, что какой ражий кирпич. И крутобокий на манер валуна воронихинского.

Разве начальник Нежданки не сторожился полной мерой? Было такое дело — силился, напружинивался, урывался жилками рук и ног, да ведь не каждую минуту впирался глазами в колеиную устремленность.

Только вот отвел взор в даль прогона, здесь и объявилась под тележным колесом горькая неприятность. Повозка недовольно заскрипела, все дубовое обустройство ее затрещало. Санный вершина перекосялась, до сердца парнишку ознобив.

Глядит Игнат — травянистое завершие кладки настолько причастно качнулось, что готовы полететь копешки вниз. Им, не подпертым вилами, обозначена дорога прямоком на обочину. Вся аккуратная поклажа способна опрокинуться, коль она будет не прибрана к рукам возчика.

Воробьи, желается кому или нет, уже тут как тут: шебуршатся, прыгают на ближайшей мокрой осине.

Они упорхнуть подале нисколь не думают. На всполошенные лады чирикают, обсуждая мальчишескую досадную неудачу.

Глава 10. ДЕДОВО СЛОВО

Малиновогорский шустряк, непременный супруг черноклювой толстенькой воробьихи, оповещает округу, порхая с ветки на ветку:

— Чик и еще раз чик! Я знаю! Чиканулся тот, кто молодой помощник косарям.

Его спутница на крикливое предположение имеет свою догадку. Обоснованно причинную и благоразумную. Нисколько не запоздалую.

— Неправда твоя! Чик, чик! Взятся паренька хайть. Весело тебе горло драть.

У того неробкого крикуна в убежденности нет недостатка, нет желания быть с ходу побежденным в споре, и по таковой причине кидается он в озорное шумное несогласие:

— Чека вылетит, чик-чик, враз отвалится колесный обод. Нечего здесь и баить. На досочки рассыплется повозка. Чека за чекой полетит вдогон. Колеса, пусть завидно большие, не устоят. Покатятся все аж до запруды и дальше. В ракитовые приозерные кусты, именно туда, и никак иначе!

Наперерез шуму с неугомонно хлопающих крыльев, поперек голоса беспокойного в задорности супруга, воробьихе желалось быть неуступчивой. Она соответственно возражает:

— Чик! С чего бы отвалиться ободам, когда несокрушимо твердые они?

Тот в собственной звучной разумности крепок, враз берет и поднимает голос заметно выше прежнего:

— Друг за дружкой побегут колеса. Чик и еще раз чик! Будь уверена, покатаются они без долгих раздумий. А трава, что в телеге, привольно разляжется по лужам, даст усадку. И почнет, как заведено при дождях, прогреваться, со всей гиблой скоростью гнить. Потому тебе не избежать, в скорости помянуть умудренное мое слово!

Той зачем слыть покоренно притихшей? Не в пример заплошному крикуну супротивно чирикает на все лады, извещает окрестную осиновую листву на ветках, заодно всех присутствующих, о разномыслиях воробьиной четы, об ошибках в доводах шустряка.

А супругу что делать, если нет в семье предусмотрительного согласия? Небось, шире соображениями раскидывать. Вот он и бросается умасливать строгую беседчицу:

— Не стану спорить с тобой. Чики-рики-рек! Пусть ободы остаются на своих местах, при своих интересах. Но тогда надобно доложить другое. Чики-брики! Бричка мальчишкина, этот глупый тарантас, станет отдыхать не в ракитовых кустах, а напрямик в той холодной воде, вблизи которой сидит старый конюх. Искупает Игнат поклажу. Всю как есть. Ведь не удержать юнцу вожжи в руках. Чик-чего? Будешь спорить?

Супруга, напуганная картиной сенного, очень доказательного крушения, испуганно моргает:

— Не знаю, искупает либо нет.

Тем временем парнишка придерживает кобылу, буровит колею тормозными своими пятками, кричит во всю мочь:

— Стой, милая!

Ни в коей мере нельзя поклаже дальше крениться.

Когда с возвышением зеленоватого сенным чистая задача, то невозможно вожжи отпустить в молчаливом бессилии. Надобно осмелеть, со всей решимостью беду тотчас отвадить. Потому возчик и приподнял голос выше птичьей семейки, выше осины придорожной. Как есть в полном-полный мальчишеский баритон возвысил.

Послушная рысачка не помедлила оглянуться и тут же, не мешкая, стала недвижимой. Вдохнула, прохладный перед вечерней зарей воздух вспорола громким фыркающим звуком: будем ли целехоньки с покосившейся телегой?

Поскольку рысачка всегда не против того, чтоб с ней беседовали, Игнат принялся вслух размышлять, поправляя постромки, оглядывая с четырех сторон дощатое сооружение. Как полагалось у него, за словом в карман не лез — докладывал со всей серьезностью: упасть поклаже нынче легко, вот удержать летучее сено не в пример сложно, однако нужно.

Нежданке требуется иметь в виду что? Стой, как стоишь. И держись, как держишься. Тогда травянистое возвышение притихнет, никуда не поползет, а станет вести себя так, как приличным стожкам необходимо. Оно, значит, замрет, тут его и подопрет возчик вилами.

Для начала придержит, потом нажмет аккуратно в середку. Все крепче и крепче почнет давать ума-разума сенному грузу, в нестойкости скользкому, возмечтавшему нарушить здесь порядок. Тогда шалишь, бульжное твое величество! Не удастся тебе набедокурить у деревенского народа на виду.

Были крепки вилы, и когда подпорка утвердилась тремя острыми зубьями в накренившейся копешке, дал Игнат неотложный приказ:

— Теперь трогай! Но постромки не рви. Тяни, слышь, неторопо. Только так и не иначе.

Перескочил обод через упористое препятствие. Пусть возница спервоначалу оробел немного, всё же колесо не отвалилось. Оно сдружило, с большим камнем совладало. Затем без лишних затей миновало бульник-другой. Из тех, что полеживали на проселке нисколько не конфузливо.

Телега и выпрямилась в свой черед. Глянуть бы звездочке небесной, как сегодня работается красивой лошадке.

Парнишка, проезжая чуть поодаль от Воронихина, волновался: целит тот из-под картуза два острых глаза? Когда пристально смотрит, тогда о чем пожелает сказать строгий судья? Небось, по своей конюшенной должности, узаконенной в Малиновой горе, не преминет высказаться про возчика?

Дед, поправляя картуз в размыслительной многозначительности, одобрительно кивнул.

— Езжай! Следуй дальше своим маршрутом. Вижу, справляешься без моей подмоги. Храпака в пути не задаешь. Парень ты для крестьянского дела подходящий. Не вот вам проглотил муху.

Глава 11. ГОСТИ

Позади повозки обозначился грохот железок. То машина Баснова с травянистым грузом догнала Нежданку.

С рысачкой поравнявшись, шофер из окна кабинного поприветствовал молодого труженика:

— Я тебя тут обгоняю, однако не тушуйся! Твоя подмога всеми в деревне замечена, и разговор идет такой, чтобы поехать мне в город, купить тебе хорошую подарочную книгу, понял?

Витольд прибавил газу, грузовик укатил, куда ему потребно. Игнат следом гнаться не заохотился. Если кто и пустился бы на радостях взпуски, то уж никак не кауркин заботливый начальник.

Ему ли не знать цену послушной кобыле? Нет, пусть всё идет тем же способным макарком, как раньше. Предпочитал парнишка, чтобы Нежданка деловито помахивала хвостом, тянула сенное возвышение в пристойном спокойствии и была довольна командованием.

Махнул рукой возчик, провожая трехтонку, а кобыла, та поступила ровно так, как ей полагалось. Пошла, пофыркивая, дальше. При сем двигала хвостом туда-сюда, но в заполошное разорение поклажи нисколько не вдарялась и чтла мальчишеские указания, по-честному благорасположенные.

Второй покосный день сложился удачно, третий.

Если булыжник с дороги отбросишь, то и проселок не мудрствует лукаво с тобой.

Подъезжая к деревне, сложил Игнат губы трубочкой, почал насвистывать полюбившуюся песенку: хорошо все ж таки получается у Нежданки.

С ней, вишь ты, удалось приободрить кое-кого из каждодневно огорчавшихся малиновогорских проживателей. Вот еще одну семью с ее травяными заботами возможно привести в чувство, преисполненное довольством.

Так всегда нынче бывает, когда неуклонная повозка подкатывает ко двору.

Иной пошел счет, дорогой односельчанин! Знай успевай схоронить добро под навес, коль грозятся дожди новым пришествием.

Иметь настроение, совершенно пригожее, нисколько не оцепенелое, был резон довольному Игнату. Всё же пойти на попятную, охотно забыть о чуде, которое завелось в деревне, — извините, подвиньтесь.

Этой глупости, насквозь отчаянной, он позволить себе не мог и свой завет держал в памяти. Чтоб, значит, неделю за неделей следить за мудрым небесным круговращением, не выбрасывая из ума приключившегося нежданного явления.

Загадывать загадывал, вплоть до ужина размысливал, но когда за окошком сумерки примечательно сгустились, во прогон — огни подсматривать на земле и в небесах — не заторопился.

Вечерним часом пришли к нему ребята, знакомцы по школе. У кого подросла одна причина, у кого — другая.

За подсыпочкой, представьте себе, прибежала Настена, курносовая хохотунья. Она по всей Малиновой горе слыла веселой певуньей, а смущенной любительницей соли в обязательности оказаться, нет, такого не водилось за ней.

— Тебе четыре килограмма нужно? Или пять? — пошутил Игнат.

— Наперсточек сгодится.

Смущаться она перестала, начала доказательно тарыхтеть: вышли дома все припасы в жестяной баночке из-под магазинных леденцов.

— Ни граммучечки соли не осталось.

— Ладно. Поправим ваше положение, — сказал Игнат.

При сем подумал: с чего бы вдруг обнаружилось бедование в леденцовой баночке? Такое, чтоб грабительно опальное, до внезапности пристрастное? Впрочем, лучше мне усмириться! Любознательно приставать с расспросами будет всё же не по-соседски, не по-людски.

Гостыя помаргивала пушисто одуванчиковыми ресничками. Охотно сообщала всякую всячину.

— Солонка, впридачу к жестяной посудине, тоже стоит напрочь пустая. Никакой нигде не осталось даже капельки. А без подсыпочки разве можно есть яйца куриные, сваренные вкрутую еще тем днем?

Каким днем, не стала разъяснять, зато поспешила расписать незадавшееся обеденное столование. Видать, хотела, чтобы незадача выглядела поубедительней. Одновременно запастись у Игната солью не торопилась. Сидела на стуле куда как основательно.

Скорая нужда вкусно вечерять — смотрите, пожалуйста! — не гнала девочку домой. Не выталкивала за дверь, не отправляла в путь-дорожку незамедлительно. Оттого явилось к Игнату понимание: заправляться вареными яйцами не к спеху было соседке.

«Разве сильно особенное приключилось какое? — усталый начальник Нежданки чесал потылицу. — Тогда что подавай просительнице помимо соли?»

Следом за образовавшимся вопросом хлопнула дверь о крашенный толстый косяк. И заявился — бочком, бочком, поскорее к незанятой лавке — Сашок.

То, припоздняясь, притопап другой сосед, а именно что приятель, безотказно постоянный. Пришел вроде бы по делу, поскольку понадобилась настоятельно удобная стамеска с широким острым жалом. Привет всем! Да будет присутствующим оповещение, что иногда возникают отдельные странности. Только начинаешь мастерить табуретку, как вдруг замечаешь: в ящике, где молоток и гвозди, не очень-то густо с подходящим инструментом.

В объяснения пускался он вольной волею, с охотой, однако не получалось въедливо задумчивым соображениям Игната твердого препону: нет уж, неколебимый друг и домашних дел мастер! в ящике у тебя поболее того, чтоб ни единой подручной вещички! разве стамеска стальная ввечеру привела сюда, усадила на лавку? на ночь-то глядя, можно и погодить, не долбить заготовленные деревяшки.

Тогда о чем же здесь помыслил Сашковский приятель?

«Знаю этот обычай в Малиновой горе. Не сразу, не вдруг берут быка за рога в деревне. Когда в интересном наличии вопрос, поначалу ведь разговоры ведут вокруг да около. Затем как бы невзначай, однако же неотступно, спрашивают про свое. Про дело, в деликатности шибко нужное».

Горазды вы сторожитесь, разводите беседы хитрые, соседи из близких ближайšie. Как приверженному жителю Малиновой горы не ведать о столь примечательной повадке, хоть у взрослых, хоть у ребят?

Нынешний кауркин командир подмигивает гостям, улыбается.

Дескать, известно мне о наезженных поворотах в долгих, бестолковых на первый погляд, разговорах. Посему терпеливо жду, в обязательности озабоченных, ваших слов о большом интересе.

Сашок меж тем взялся толковать, как рыбу ловил на пруду. И сверх того — как бабка варила уху из плотвы.

Довелось бедной старушке присесть вразумительно зримо, остолбенело до неспигаемости, потому как интересный момент приключился. Неисправимо голодная кошка вдруг забралась на вкусно пахнувший стол, мигом слопала рыбку. После чего с удовольствием облизнула шершавым языком лапу.

Игнатов приятель посмеялся, конечно, и всё же поучил кошурку — острые зубы, пышный хвост, хитрые глаза — правилам застолья. Пусть знает, что плотва за обедом сгодится всем. Не одной лишь пронире с когистой лапой.

Наконец, беседистый рыбак отложил уху в сторону. Еще кое-что сказал, однако совсем другое, далекое от старушки с ейным обиженным приседом.

— Мы в школьной теплице работаем, — заявил Сашок, ерзая на широкой гладкой лавке и выказывая неуступчивое трудоспособное желание. — Там хорошо. Только сильно хочется быть рядом с лошадьми.

— То мне понятно, — согласно кивнул начальник Нежданки.

— Тогда поделись! Как оно возчику приходится? С рысачкой без хлопот

управляешься? Если честно?

Игнату никак нельзя было не развеселиться. Мигом смеяться начал, потому что никогда приятеля не обманывал, ходил в записных честнушечниках, дружба у них была в явности доверчивая. И вообще все разговорные подходы напрасные. Возьму и скажу, решил начальник рысачки, зачем вы тут прибежали!

— Когда ввечеру примчались, выходит что? Ране обсуждали Нежданку. Завидки нынче берут!

Настена покрутила плечиками на тот предмет, что ничего особенного не произошло и незачем тут вдаваться в разъяснения. У Сашка другая история — поутих с рыбалкой и бабкой, выказал даже некоторую досаду в голосе:

— Воронихин, все знают, лошадей в обиду не дает. Он своих подопечных, хоть маток, хоть стригунков, шибко уважает. Как он всех голубит? Пряма-таки возьмешь и закачаешься. Мне ведомо, не каждому он позволяет подходить к ним.

Игнату, что назад несколько дней примкнул к сенокосу, в затылке зачесалось поотчаянней прежнего, поскольку в беседе неправды никакой не прозвучало и теперь надо было гостей уважить по всему покосному порядку. Серьезно посмотрел он на досадающего рыбака, после чего оставил потылицу в покое, пригладил волосы, непослушными вихрами торчащие над ушами. Озабоченно кашлянул и так доложил усердному работнику теплицы, умеющему вести основательный разговор:

— Всё верно. С конями баловаться дед не позволит. Ни под каким видом. Он их во все дни жалеет, исключительно живых и до крайности работающих. Но коли без шуток кто желает возить на пару со мной сено, тогда можно и слово замолвить. Попробую Воронихина уговорить.

Наступила очередь высказаться Настене, что сидела на краешке стула. Казалось, готова была в следующую минуту вспорхнуть и полететь, полететь. Однако же не вспархивала, слушала с прилежанием, о чем здесь говорили. Ой, видел бы девочку воробей — всенепременно вспомнил бы своих бабушек и прабабушек! Те во все времена никому ни в чем не желали уступать. Уж такие были заводные, прям-таки отчаянные до оглушительного чириканья. Истинно, что не воробьишки робкие, не пичужки пугливые, а крепкие мужики-воробьи, которым завсегда стражничать полагалось в малиновогорских угодьях.

Непреклонным был умысел девчонки:

— На покосе пусть возражать станут. А ты, Игнат, не уступай. С дедом опять же поговори обстоятельно. Чтоб он понял всё, как нужно. И не отваживал меня в мамкины у печи помощницы.

Настенка сдвинула одуванчиковые светлые бровки. До беспрекословной устремленности, до серьезной выразительности.

Она их в упрямую ниточку преобразила:

— Поимей в виду, сосед!

Глава 12. СЕРЕБРЯНЫЙ КОЛОКОЛЬЧИК

Настырными были таковские слова, они вряд ли могли понравиться деловитому Сашку. Только что обозначил он свое намерение крепче присоседиться к приятелю, и вот кое-кто уже напредки встаёт.

— Нет, но куда некоторые торопятся?! С ходу, понимаете ли, норовят устремиться в особо важное дело.

Не по душе девочке пришлось занозистые выкрики деловитого паренька.

— Да! — громким, соответствующе решительным голосом откликнулась она. — И что здесь такого? Чтоб очень неправильного и невозможно глупого?! Сам пока что с ноготок мужичок, а желает смотреться в полную силу работником.

Тому спорить с руки, поскольку в теплице имел всё ж таки приметное от ребят уважение. Речистый мужичок помалкивать не привык. Обнаружить тут слабину характера? Не дождетя ретивая соседка! Оттого как раз ничего не взял он в рассуждение, просто знай себе подскакивал в горячей запальчивости:

— Сидели бы некоторые смиренно. Дома или еще где. Вышивали бы полотенчики синими крестиками в ниточные ровные рядки. Коняшки им нужны! А если получится у нас бригада «УХ!» каким неловким образом? Враз наша деревня поглядит на возчиков, удивится. Да от смеха в покаточку возьмет, миром всем помрет.

— Малиновая гора? Не будет ей конца никогда. До самого, до времени тысячного! — свой краешек стула Настя покинула, рядом встала с речистым Сашком. — И тебе, возразительный тепличный умелец, пока что рот на замочке лучше бы подержать.

Игнат, усмехнувшись, быстрее кинулся приводить гостей в благонамеренное спокойствие:

— Во долбит мебельная стамеска! Ишь, как насчет соли звенит баночка

леденцовая! А если всем здесь прислушаться к мнению иному? Может, луговые косари вовсе не станут перечить новым лошадиникам. Мы ведь заявимся туда не запросто, не вот дурака там валять, правильно?

Сашок иное мнение принял к сведению, потому как, поспешив закрутиться, иссякнул с колкими доводами и дозволенно задумался. Припомнились ему неполный ящик с инструментами, бабкина утерянная уха, обеденное кошкино объедание. Несомненно, что сильно хотелось ему поспорить насчет синих крестиков, нитяных строчек на полотенчиках. Разошелся бы не на шутку, поскольку умел разговоры разговаривать сверх меры, однако есть она — правота у начальника Нежданки.

Когда не советует тот зазря спорить, то значит, предлагает размышлять чуточку подробней. Втихую присел Игнатов дружок на лавку. Если наперекор чесать язык, то нисколько теперь не чешет.

Настена всё же не забыла сердце на громкого него держать — поджала губы, ровно разобиженная кошкой старушка. Отвернулась напрочь, ведь... с какой стати не отвернуться к окну? Как раз от того самого мальчишки, который предлагает всем миром посмеяться над умышленом девочек?

Но вслед за тем она, переждав разобиженное волнение, повернулась к Игнату. Дескать, скажи что еще! И верного, и неотвратно доступного, и в непременно выполнимого!

Тому по прежнему распорядку жалко завсегда толковую соседку, и тогда он принимается дополнительно высказываться:

— Чем девочки хуже ребят? Если в салки играть, то найдутся некоторые, нипочем их не догнать. И вообще, они все в деревне хлопотуньи известные.

— Продогонялки в прогоне и говорить нечего. А будут некоторые из нас возчиками, тогда им в деревне скажут лишь спасибо, — загордившись, поддакнула постоянная маме помощница. Уж что-что, однако пусть знает ехидный мужичок-с-ноготок: с ней пробежаться по Малиновой горе когда, то ему станет скорее всего позорно.

Сашок сердито насупился, представив себе не шибко почетную, вполне возможную картину. И его понесло в прежнюю, прекословную, очень громкую сторону:

— Чересчур хорошо некоторые полагают про свои способности. У печной заслонки покрутиться станет им в достоверности удобней.

Из-за раздосадованной возмущенности не поленился определить девочке место. То самое, что по давнему его убеждению не могло быть иным.

Лошадному командованию в лице недовольного Игната стало ясно: языкастым спорщикам для смирения должен быть заверченный час. И коли неотвязно ему наступить, придется пуще нахмуриться, окончательно крикнуть:

— Хватит вам! Летом нет такой поры, чтоб кому-то дела не было. Больно резво подрастают что ни день заботы. Подумайте здесь лучше: сложится у нас бригада школьников. Да пусть она и называется «УХ!» Ничего слишком страшного. Даже отлично будет, оттого что весело в неожиданности. Дощечки сделаем с надписью, повесим их сзади на телегах, чтоб гляделись на манер автомобильных номеров.

Если кто скажет, что Игнатов дружок завсегда отказывается умно поразмышлять, то сильно ошибется. Паренек как раз не из тех, кому в тягость дополнительно потрудиться извилинами, что природой заложены в мальчишеском головном мозгу. Вот Сашок тут по всем правилам сразу и напрягся. Неотложно сообразив, как оно всё покладисто у ребят выйдет, быстренько поставил уверенную точку:

— Бригада у нас работающая станет, не какая-нибудь другая.

— Уж точно, что нескудная, — настырная собеседница ввернула свое слово. — Я всем вам, как в Малиновой горе водится, частушечку заведу. Чтоб не скучали.

Засмеялась, колокольчиком серебряным зазвенела. В славной потребности, небестолково прозвучал он.

Именно что в таковском ключе, будто голосистая тройка помчалась по длинному владимирскому тракту. И нет ей теперь неодолимых препонов. Попадаются встречь колдобины, сыпучие пески? Всё едино погонит она стремительно в дальние дали.

Через широкие воды пронесется невозбранно.

И даже какой супротивный огонь не остановит копытной слаженной тройственно-лошадной службы.

А если пообочь дороги какие медные трубы возникнут неодобрительно, то и пускай себе с паровозной тревожностью гудят. Настенкина частушка — знай девчонок нашенских! — прохочет. И залиvisto, и со всей беспечальной звонкостью.

Глава 13. БЕСПОКОИТЬСЯ О ЧЕМ ВОРОБЬЮ?

Когда соседка Игнатова довольна всем, то по нраву ей раз и другой улыбнуться, просиять светлыми глазами всем на радость, плечми по-доброму шевельнуть.

Вот она сияет непрестанно, знай веселится. Вечерние беседчики принимаются в ответ друг за дружкой смеяться. Ишь, как мятежно выступает супротив подлунно усталой тишины! Весьма пригодно шумливое равнодушие девочки. Что есть, то есть — умеет расшевелить в деревне хоть кого, недаром слывет за бойкую хохотушку.

Так, значит, вышло: как стих лунный вечерок, как проступило туманное утро, то и пошел в наступ новый день. По-прежнему неудобно ветренный, с тучами, обещавшими скорую обильную мокреть.

Хлопот у Воронихина по раннему часу прибавилось.

Ну, как же! Разве конюху пристали холоднокровная какая неприступность, злокозненная суровость? Ему ли отказывать молодым односельчанам в понимающем согласии, в милосердной помощи? Да пусть себе частушки поются в лугах, а только приключилось деду время снарядить дополнительный транспорт по просьбе начальника Нежданки.

Воробью взять и подсуетиться разве? Сидючи на конюшенных воротных стойках сказать что укоризненное?

Оно бы по дневным хлопотам вполне достойное обстоятельство. Ан в голове никак не провернется. Нынче подарено малиновогорскому стражнику отдохновение от громко-звучных треволений. Глянь быстрее, шустряк! Оглобли по длине транспортных телег как раз подходящие. И передки дощатые, где восседать молодым возчикам, некрушимы по всей уважительно крепкой норме.

Знамо дело, трудиться юной подмоге, так уж очень чтоб способно. В очевидности заметная польза должна обозначиться к вечеру.

Воробей, приглядевшись к суете вокруг ребячьих повозок, полетел к своей на шесте домушке, там не обделил супругу объявившимися догадками:

— Точные ходили слухи о строгости конюха. Ан с дорогой душой уважил он просьбу командира Нежданки. Поглядел я на мальчишку, на Воронихина и понял: возражать некрепко было для деда в точности, что не с руки.

— Ладно, — ответила та. — Станет всё нам в радость.

После чего причесала клювом перышки. Полетела к ивовым кустам подкормиться мушками, что возлюбили в гущине мелкотно роиться. Шустряк остался сидеть на шесте, почал размышлять насчет не шибко ясного удовольствия от новых телег. Какое тут счастье воробьям?

Старый обитатель Малиновой горы, вспотевши под обязательным своим картузом, расхаживал вкруг повозок основательно. Вот ведет для ребят двух лошадей, что из себя поспокойней. Вот начинает подсказывать Сашку: не промахнись, паренек, когда устраиваешь коня в постромках! он тебе живой мотор гнедой масти, вовсе не чугунная штуковина, пропахшая машинным маслом! гнедому особое уважение полагается!

Еще позволял себе дед шуточки отпускать. На его подходы у бодрых возчиков не было стойких обид, а если Настена время от времени Игнату подмигивала, то веселе само собой лишь множилось морем, именно что разливанно бескручинным и оживленно речистым. Бригадная думка в полной беспрепятственности крепла.

Насчет чего в подробности ничуть не лукавой? Хорошо видно: немного возгордился конюх нынешним днем.

Ну, как же?! На равных с грузовиком станут нынче подопечные старика трудиться в лугах. На общее благо будет непременно занятие конягам воронихинским ненаглядным, пусть даже у молодого деревенского шофера под рукой и зверь-мотор, и рулевая баранка безотказная.

Справлял он, стародавний управитель жеребцов и кобыл, достоверное удовольствие и справлял как есть заметно. У него последние годы причины объявились, чтобы порой погрузить, посиживая у створки притихших ворот. У тех самых, которым не к слеху было распахиваться на предмет справления лошадьми тягловых деревенских работ.

Тут надобно заметить: вовсе не вчера, не позавчера объявились возле старого конюха сообразительно хитрые подсказчики. Они ведь не спешили помалкивать, наоборот — на скамейках посиживая вдоль уличных деревенских берез, заохотились кривоусмешливо поговаривать. Об чем судачили?

Да всё о том, что подопечных, на все сто четвероногих — гнедых, и каурых, и каких мышастых, — держать в хозяйстве не в пример накладно. Иной порой не хватает рубльков обиходить машины бензином. И потому недосуг убаглотворять конюшенное заведение. Такой сильно приспелый недосуг, что прямо беда неизбывная всей Малиновой горе.

Ишь, что выдумали подле сарафанистых берез!

Нет уж, записные говоруны. Никому не стоит, хоть намедни, хоть сегодня, сбрехнуто насмешничать. Воронихину всю свою долгую жизнь, поистине с младых ногтей, светила радость уважать, любить коняшек.

Она ведь, насущно приветная вещь, и нынче не проходит. Тогда, когда посиживает

у гранитного валуна и пособничает ребятам обнаружить селянскую сноровку.

При всем том конюшенный управитель сегодня шутил с дорогой душой — балагурил достойно моторно-машинного времени. По той добротворной мере, с какой по своему обыкновению шорничал у любимого камушка, ухаживал за лошадьми в стойлах, а также учил Игната.

Всех примкнувших юных возчиков, само собой, не собирался обходить веселым нынешним настроем.

Им его непритворное довольство никакая не тайна. Что касемо шустрого воробья — в согласии ли с дедом на сей час? — быстрее быстрого воспоследует ответное чириканье. Малиновогорскому неперемному стражнику нет нужды взять и громко беспокоиться.

— Помолчите лучше, любознатели. Здесь мне и думать нечего. С какой стати в дознания вдаряться дотошливо? Не собираюсь вступать в споры неумемные, пусть будет у старого проживателя деревни хоть цельный воз резвой шутильвости!

Оно и верно: день за днем Нежданка вместе с кобылами и жеребцами получает исправное обхождение. Все в толковом воронихинском заведении имеют для хрумканья овса в достатке.

Воробыха, конечно, готова подскочить и поддержать супруга.

Вот она подскакивает, принимается разяснительно толковать:

— О главном надобно помнить. Где много вкуснеющих зернышек приключается на конской дороге, там деткам нашим достается обязательное овсяное угощение. Вот она какая штука. Самая главная!

Глава 14. КОЛОННА

Баснов, замотанный покосной суетой, нисколько не верил в затвердело вредных чертей и не размахнулся креститься — чур меня! Не поспешил высказываться, а всё ж таки не отказался подать голос. Приподнялся на своем водительском сиденье и ахнул, уперев распахнутые глаза в снаряженных Воронихиным возниц, что колонной подкатывали к лугу.

Те, улыбаясь от уха до уха, помахивали кнутиками.

Настена в рост на телеге стояла, объявляла с частушечной заливчаткой отрадностью: не с пирогами прибыли! Но чтоб здесь не бедовали, нынче навалимся, пособим косарям!

Гляди-ка, пришло на ум Витольду: если подмогу пересчитывать, то враз припомнишь арифметику. Не слишком ведь малая цифра обозначится для общей страды. Для артельно всесторонней сенозаготовки. Тогда только поприветствовать деревенских ребят и останется... Счастливо доехали, здравствуйте!

Словно услышав шоферскую мысль, по неожиданной минуте шибко взволнованную и оттого чуточку прерывистую, Настена продолжила свое беспечальное сообщение. Дескать, положено обстоятельно доложиться, и я всем сейчас про нашу малиновогорскую жизнь спою кое-что.

Само собой, пела не абы как и не про глупую чепуху.

Пока повозки подтягивались к удивленному покосному обществу, она распевала о воронихинских подопечных, об Игнате, командире безотказной Нежданки. Звучала у нее таковская небезынтересная история: ребята выбрали его начальником, поскольку лучше всех знает лошадей и умеет с ними покладисто обращаться. Недаром у старого конюха уважительное отношение к нему.

— Ну, голосистая девчонка! — сам себя подначил Баснов. — До чего шумливо да складно выговаривает! Не было мне ране такого происшествия, чтоб от песенного докладывания в правом ухе вызванивало.

Это у него случилась первая мысль.

Вторая на языке не задержалась, и сложилась она в связности достоверная, уверенно прилепившаяся к частушечному пению:

— Нынче знатно свербит, ничего не скажу.

Ему, да и всем прочим, яснее ясного стало: самой Насте было приятно дотошливо пропевать о бытности, приключившейся в Малиновой горе.

Когда посмотреть теперь на тех же лошадей, им также доставляет удовольствие слышать мелодичное сообщение — вон как дружно помахивают метелочками хвостов в лад этим дробно звучным тележным передкам!

Не утерпел молодой шофер, споро покинул кабину и крикнул в кузов дяде Трофиму:

— У школьников и кони все на особицу. Исторически выступают в поддержку Настены. Глянь, бригадир! Хоть мудро это, а все ж вполне попадают в музыкально походный такт. Воронихин их воспитал таковским образом или что иное?

Селянский командир покосных дел соскочил с грузовика, резво подбежал к Игнату:

— Не ожидал. Честно если, то никаким боком не выходило встретить вас тут, сбочь Муромского леса. Ох, ребята! Низкий поклон вам от нашенских косарей. Да я сегодня... нет, завтра... короче говоря, опосля начислю всем возчикам зарплату. Как же по-другому? У меня разве должно заржаветь?

Настенка в свою очередь ответственно завела:

*Бригада «УХ!», она прискачет.
Она раненечко встает.
От непогоды не заплачет.
Сенцо буренкам подвезет.*

Витольд настоятельное заявление пропустить, ясное дело, не заторопился. Изобразив удивление, мигом сделав глаза круглыми, рядом с Трофимом поскорее встал, строгую позу принял:

— Какая-такая сбочь Муромского леса новая бригада обозначилась? Не понимаю! Довелось нашему луговому обществу, не иначе, как ослышаться.

Косари, не замедлившие подойти ближе к телегам, поглядывали на шофера, что выказывал непонятливость на пару с придирчивостью, и было всем в явственности весело. Они смеялись, один перед другим похохатывали, глядя на Баснова. Потому он решил засмуцаться — отправился на привычно кабинное свое место, оттуда крикнул:

— Слышь, Трофим! Да в чем здесь причина, если уж по обычному распорядку? Почему некоторые грохочут? Есть надоба знать. У меня естественный интерес.

— Читай, Витя, на корме Настюшкиной телеги, — откликнулся тот. Ему разве с руки отмалчиваться, коль всех тут достал смех? Загромыхал, не стесняясь. В улыбке растягивал губы, до красноты обветренные по капризной погоде.

Строгий водитель грузовика, уважающий правила движения и солидные малиновогорские порядки, послушно из кабины вылез, пошел куда велели. И стало Витольду ясней прежнего, какая прискакала на сей час подмога.

«Эге! — почесал затылок. — Нелишний у ребят подскок. С намеком, кажись».

А вслух было произнесено взыскательным парнем вот что:

— Значит, «УХ!»? Ладно. Если дубинушка ухнет и сама пойдет, то нечего тогда возражать. Шофера тоже ведают русскую народную песню.

Вскоре зелена трава от реки до лесной опушки очутилась до корня срезанной острыми косами-литовками. Ближе к вечеру — вот и вся недолга! — ленты валков протянулись и широко, и далеко во всей покосной послушности. Что ни размеренно усердный на лугу труженик, то и подвел отточенным лезвием завершающую волнистую черту от синей водной излучины до стройных сосенок бора.

Налетал, вестимо, с болотистых низин вседневный ветер. Как же без него на Владимирском ополье, где неостановимо вольной воли для полевых вихорьков? Приносил он запах обсыхающей тины с камышевых кормовых угодий, где уткам завсегда пребывание в радость. Мимолетом не мог не угостить малиновогорских возчиков листовым прелым духом с южной сторонки, с Муромского леса.

Воробей со своей воробьиной деловито порхали над тучно груженными телегами. Что ни говорите, а надобно быстрым летунам присмотреть за малиновогорскими жителями. За тем же Игнатом, который нынче признан школьниками шибко важным бригадиром.

К тому же возле Нежданки подкормиться крылатому стражнику в паре с толстоклювой супругой пора по денному часу. Дело сие вовсе небесполезное для семейного благополучия.

Не смущаясь, парочка вираж за виражом закладывает и так при сем держит в уме: шевелись на два фронта, и точка! Если же кто супротив нашего неотложного порханья, пусть тут, на просторном лугу, не задается! Небось, мы на покосе не лишние.

Когда обследуешь полберезы прежде, чем удастся пожить зазевавшейся гусеничкой, — это что? Никакого птицам отдохновения. Не случаются у них с утра неизбывная ленца, отсутствие усердности.

Вот сейчас имеем ввечеру не иное, как только утомленные лапки да умахавшиеся крылышки, а чтоб какая прочая особица — больше ничего.

Воробиха чирикает с полным знанием дела:

— Я чересчур богатеющая многотрудными заботами. И, само собой, хотелось бы получить сбочь Муромского леса необременительное удовольствие. Когда здешние коняги запросто делятся овсяными зернышками, то зачем отказываться? Имею двух деток, которым нужно от меня брать силы, крепнуть что ни сутки встреч будущим морозам. В конце концов, куда как неплохо, если сегодня ввочь мне избежать хлопот насчет собственной кормежки.

Воробей подхватывает с лету:

— Вижу, что стол накрыт денно и ночью. Оно и ладно! Трескай, пока в стороны живот не разопрет. Тугое пузо, стоит всем подсказать, мечта любой птицы, стражник она вам или так, из гнезда погулять выбралась.

Меж тем светлая половина суток притушено закруглялась, потускневшее солнце покатилося в изумрудные кроны заречья, где комары звенели все отчаянней. Убрался ветер, и вся кошенка наполнилась цветочным ароматом.

Ближе к дороге валки, выровненные копотливыми грабельщицами, исходили уже густым сладковатым духом, от которого так-то хорошо, успокоенно — гляди на холодные декабрьские сроки! — делалось на сердце.

Ребятам вся окрестность, что минута за минутой утихомиривалась, насквозь для обзора видна. Непрочь они, потрудившись на славу, зарыться в пухлые вороха.

Скорее всего как раз были у них неслышные мечтания, чтобы кинуть вожжи, пропотевшие от конских боков: отбросить в сторонку и побарахтаться в мягком сене куда как завлекательно.

Однако работа еще напрочь не иссякла, не пропала в колючей стерне смиренным ручейком. Будет зарплата либо нет — новой бригадной компании нельзя взять и упрыгнуть подале от лошадей. Стемнеет когда, тогда и будет вожжам, телегам, частушкам отставка.

Ужинали, не торопясь расходиться по домам, у начальника бригады — Игнату с его родителями приспело желание угостить Настену и Сашка чаем со сладкими пышками. Так что застольным разговорам о покосных успехах светило напрочь утерять спорое завершие.

Звездочка в толпе малиновогорских берез... может, она и светила кому в сгустившихся тихих сумерках. Но уж никак не командиру справной каурки. Тот дома неискоренимо сидел и, на улицу не поглядывая, слушал дружных сотоварищей, у которых впечатлений нынче сложилось столько... так много... короче, воз получился именно, что выше некуда! Значит, кто нынче способен приметить чудо лучистое? Какой-токой приподнявшийся обитатель Малиновой горы увидит сей огонек, исключительно заветный и необыкновенно яркий?

Глава 15. В ТИХОЙ ВЫСОТЕ

Точнее точного, что не миновать того деду Воронишину, сильно задержавшемуся на конюшне. Когда надобно обладать свежееиспеченную упряжь для Нежданки, не поспешишь ведь бросить все дела. Дума старого деревенского прожителя про Игната, про молодую подмогу, неотвязная по всей бесспорной истине. Каковские копны навивают тележно эти ладно примкнувшие ребята? Небось, не мизерной высоты, да уж! Прежняя упряжь для Нежданки в явственности поизносилась. Сегодня без новой нельзя. По работающей летней поре постромки должны быть серьезные до невозможности. Чиненные-перечиненные будут отложены в сторону. Расшибись, конюх, в лепешку, но рысачке подай всё без сумленья крепкое! Страдная сенокосная пора общими усилиями длилась вполне справно, поскольку имела от деревни — что ни дом с буренкой — нестихающее понимание и неусыпную поддержку. Игнат спустя пару деньков взял и высказался: копейки вдоль речного берега высятся неплохие, погода опять же потихоньку налаживается. Когда множится подсохшее добро, то бригаде почему бы не расстараться чуток сильней?

— Гляжу, нынче с избытком сена. Такого, что законченно годится для подворьев. Нам возможно ведь и нажать. Или как?

Сашок глянул и вдаль, и ввысь. Примерился к белым облакам, не отказываясь покумекать. Настена в свою очередь обсмотрела быстрыми глазами луговые возвышения стожков. После того возчики одинаково решили... что? Без промедления совпаст с начальством. Куда ни шло, а только нажим окажется вещью полезной. Пока стоит ведро, не мешает поскорей упрятать подсохшую траву под навесы. На задворках они, почитай, у каждого малиновогорского хозяина имеются. И значит, ждут транспортной услуги с нетерпением.

— Если согласны, — Игнат, довольный дружным согласием, заодно тряхнул брезентовые вожжи, — тогда хорошо. Учиним сегодня такой случай, чтобы до темноты сделать на одну езду больше, чем обычно.

— Будет дело! Очень даже несомненно! — Сашок не удержался от громкого изъявления готовности побеждать облачные придирчивые каверзы.

— За сегодня управимся, — у Насти свой резон оказался, он убедительно предлагал всеконечно постараться, не сдаваться надвигающемуся от речки млеку туманному.

Ребята не подкачали, согласно упорядоченной договоренности нажали ретиво, что было вовсе не проще пареной репы. К воротам конюшни возвращались к тому часу, когда начала сгущаться туманная взвесь. Кони, понятно, подустали, не бежали они

размашистой рысью, однако запах родных стоил, где Воронихин загодя приготовил им овсяное угощение, чуяли и шли вдоль деревенской улицы вполне ходко. Стоя в телегах на полусогнутых ногах, Игнат и Сашок победно миновали строй малиновогорских строений. Настя поглядывала, конечно, в сторону сотоварищей, чуточку ныне возгордившихся. При всем том ехала себе не спеша, поскольку было у нее ничуть не лишнее занятие — частушки ее звучали нестеснительно. Веселых слов касательно покосных стараний разве занимать стать бедовой певунье? Сашок крутил головой и дивился, проезжая вдоль прогона, на открывавшиеся сбочь пруда изумрудные дали: почему раньше не замечал красоты родных мест?! Ишь, как взрачновечереющее солнце подкрашивает тот крепнувший туман, что запускает молочные лапы в темно-зеленые прически набережных черемух! Ведь он что свершает? Неостановимо перебирает листовые косы раскидистых деревьев. Освежает им на припеке нагретую ране кору, при сем вздыхает сумрачно и чмокает по-болотному. Примечалось кое-что и старшему здесь начальнику Игнату:

— Ты, Нежданка, можешь радоваться. Хоть влево, хоть вправо погляди, а только нет оводов. Они своеобразно допекали тебе весь длинный день. И вот исчезли напрочь по причине липкой влажной взвеси в холодеющем воздухе.

Беспорна наблюдательная Игнатова правота. Мухам да слепням подавай жаркий полдень, не иное какое времечко. Ребята начали распрягать лошадей, Воронихин подсказывал что да как, чтоб поскорее отправить молодежь по домам. Было такое дело: недавно бездонным колоколом стояла над покосом непо потревоженная синь. Прозрачные — словно из паутинной кисеи сотканые — небольшие облака проплывали в тихой высоте, почти под самым солнцем. Смотри не смотри, на лугу не углядеть всё ж таки никому из косарей легкое скольжение небесных пушинок. Сейчас, когда горячее светило перестало припекать взгорки, слепить глаза возчикам, пришла пора стьлому туману уползти в глубокие овраги Муромской чашоры и выглянуть звездам. Игнат не утерпел, поднял лицо, подставил взгляд всей долготе Млечного пути, что начал проявляться вверху все четче. Какая-никакая искорка пусть помигает приветливо. Дескать, вот я! Не затерялась в мерцающих даях. Шлю, значит, прельстительный поклон. Наилучшие пожелания припасены у меня для командира Нежданки. Не подкачал он, справился с подмогой малиновогорскому человечеству. Уставился парнишка в вечернее небо. Ан, искорка мигнула ему, сверкнула огненной гвоздичкой через весь Путь:

«Нежданкин командир. Я жду тебя! Где твой небесный корабль?»